

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 28

1987

Марина КОРНЕЙЧУК

**И В ПАМЯТИ,
И В СЕРДЦЕ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Марина КОРНЕЙЧУК

И В ПАМЯТИ,
И В СЕРДЦЕ

Марина КОРНЕЙЧУК

Марина Федотовна КОРНЕЙЧУК родилась в Большой Александровке, Херсонской области.

В 1939 году окончила среднюю школу и поступила в Киевский театральный институт на актерский факультет.

В 1941 году ушла на фронт. Участвовала в Сталинградской битве, обороне Ленинграда. Была тяжело ранена. После лечения в госпитале продолжала учебу в ГИТИСе им. Луначарского, Москва.

С 1946 по 1966 г. работала актрисой в Киевском Академическом театре им. Ивана Франко.

Имеет боевые награды: орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги».

Награждена «Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР», медалью «За трудовую доблесть».

В свое время эти записи Марина Федотовна Корнейчук делала не для публикации. Заметки в дневнике, заметки в блокноте, воспоминания... В них нет стройности, нет и литературных красот. Это факты, отдельные события из жизни А. Е. Корнейчука, запечатленные наблюдательным, а главное — равнодушным глазом. В этом их не только номинальная, но и этическая ценность. А эпистолярная форма — только художественный прием, который дал возможность донести в непринужденной форме эти воспоминания для широкого читателя.

10 декабря 1964 года

Дорогая моя Лида, ты спрашиваешь, почему я так давно не писала тебе и как понять, что у меня новый адрес? Твое обеспокоенное письмо, твои вопросы очень нужны мне сейчас, потому, наверное, что у каждого человека бывает такой момент в жизни, когда необходимо рассказать кому-то о своем безграничном счастье. И как хорошо, что у меня есть ты, дорогая, близкая мне душа. Мы делились своими мечтами, мыслями, увлечениями еще в школьные годы, и поэтому я могу сказать тебе. Много перемен произошло в моей жизни за это время. Изменился теперь и адрес, потому что я стала женой Александра Евдокимовича.

9 июня 1965 года

Как я жалею, что ты не смогла приехать на юбилей А. Е.! Ты согласишься рассказать, как прошел он. Это было так торжественно, что на другой день А. Е., смеясь, сказал: «Теперь буду знать, что будут говорить, когда умру. Генеральная репетиция состоялась. Даю слово, что больше в моей жизни юбилеев не будет...»

Но все по порядку, да?

Так вот, 25 мая, в свой день рождения, А. Е. был в Хельсинки. Там состоялся конгресс Всемирного Совета Мира. Приехал в начале июня. Рассказывал, что там, в Финляндии, 25 мая его поздравляли с днем рождения участники конгресса. А сюда, в Киев, сколько пришло поздра-

вительных телеграмм из разных стран мира! А сколько от поклонников его таланта! Если бы я стала перечислять, то для этого понадобилось бы очень много времени, но одну телеграмму хочу тебе привести. Я ее перечитывала много раз.

«Дорогой Саша, поздравляю тебя невеселой датой. Крепко обнимаю. С ярмарки мы трогаем вместе. Пожалуйста, не спеши и положи кнут под сидение. Твой Михаил Шолохов».

За шутливым ее тоном, за лаконичным содержанием ощущается очень многое...

Итак, возвращаюсь к юбилею.

С самого утра А. Е. был очень взволнован, но пытался скрыть это, все время шутил. Вот и вечер. Мы едем в театр им. Франко, где должно состояться юбилейное торжество.

Сцена одета в декорации «Страницы дневника». Народу больше, чем может вместить театр. Много людей стоят. На сцене стулья для почетных гостей; тут украинские писатели, московские литераторы, представители союзных республик, иностранные гости.

Чествовали организации, просто поклонники таланта А. Е. Драматург И. Рачада передал А. Е. позолоченный кортик с надписью: «Маршалу драматургии от маршала Малиновского». Торжественная часть была длинной.

30 августа 1965 года

Вот мы и побывали в сказочных местах, в Закарпатье. Посетили усадьбу Леси Украинки в Колодяжном.

В Береговом была у А. Е. встреча с учителями. Тебе, учительнице, я думаю, будет интересно знать, что говорил А. Е. Я была с блокнотом и кое-что записала.

«Учителя самые большие и самые близкие друзья искусства. От вас зависит подготовленность детей к восприятию театра, музыки, живописи. Их ощущение прекрасного. Мы — писатели и вы — учителя формируем души детей. От нас с вами зависит, кому мы передаем наследство советского народа, кто будет отвечать за наше будущее. Мы и вы своими горячими сердцами разбудим семя красоты и добра в душах детей. И мы, литераторы, благодарны вам за наших детей».

«...Как я нахожу своих героев?»

Мои герои никогда не отображают одного конкретного человека. Каждый образ в моей пьесе воплощает в себе отдельные яркие черты разных людей. Я никогда целиком не «списываю» одного человека с натуры».

Потом, конечно, говоря о международных событиях, А. Е. сказал: «Прогрессивная общественность мира не даст разыгаться термоядерной войне. Люди всего мира заставили Даллеса отказаться от безумной идеи — бросить ядерную бомбу на Корею».

*25 сентября, 1965 года
Москва*

Живем в гостинице «Москва», 902 номер.

А. Е. сказал, что, приезжая в Москву, мы всегда будем жить в этом номере. Так что ты знаешь, где нас искать в Москве.

Сколько людей побывало у нас за эти дни... Приходили товарищи из Международного отдела ЦК партии, из Комитета Защиты Мира. Посетили нас известные театральные критики — В. Пименов, М. Абалкин, режиссеры Плучек, Р. Н. Симонов и Е. Р. Симонов, художник Волков с женой. Как-то поздно вечером пришел Никита Богословский с группой молодых артистов. Богословский играл на рояле свои песни, а мы все пели.

Все время у нас люди, люди...

*27 сентября, 1965 года
Москва*

Утром были на генеральной репетиции «Виринеи» у вахтанговцев. А вечером на спектакле у этих же вахтанговцев смотрели «Западню». После спектакля зашли в кабинет Рубена Николаевича Симонова. Там уже собрались артисты других театров, которые также смотрели спектакль. Был Л. Утесов с дочерью, Топорков и другие. А когда собирается такая компания, всегда начинаются воспоминания, веселые театральные истории. Утесов давно не виделся с А. Е., обнимая его, сказал, что благодаря «Гибели эскадры» получила второе рождение знаменитая песня «Раскинулось море широко», которую Утесов потом включил в свой репертуар.

«А потом, — рассказывает Утесов, — у меня было одно происшествие с этой песней. Однажды на гастролях мне нужно было получить бандероль, которая пришла на мое имя. Паспорт забыл дома. Тогда я вспомнил историю с Карузо: он спел в банке, чтобы доказать, что он Карузо, и ему выдали деньги без документов. Я тоже спел «Раскинулось море широко», надеясь, что меня узнают по голосу и выдадут бандероль, а в ответ услышал: «Гражданин, перестаньте валять дурака, а то вызову милицию».

Сидели мы в кабинете дорогого Рубена Николаевича очень долго, шла интересная беседа и, конечно, вспоминались веселые истории...

25 ноября 1965 года
Харакс

Дорогая моя, все было бы прекрасно. Но, наверное, не бывает в жизни так, чтобы все было хорошо. На днях мы сдавали кровь на анализ, и оказалось, что лейкоцитов у А. Е. больше нормы. Врач назначил уколы...

5 декабря 1965 года
Москва

Милая, дорогая моя, я понимаю свой эгоизм, но не могу не сказать: я самая счастливая женщина на всей земле! Иногда мне становится страшно. Это не может быть долго. Что-то случится. И я живу в счастье и тревоге...

Приехали в Москву на премьеру «Страницы дневника» в Малом театре. Премьера состоялась вчера. Спектакль прошел с большим успехом. Мы заказали много цветов для актеров. В зале и на сцене был большой праздник. Потом А. Е. пригласил артистов в ресторан «Метрополь» на банкет.

А что было сегодня! Сидим утром в своем 902 номере и, конечно, говорим о вчерашней премьере, о банкете. И тут мне вспомнился наш сотый спектакль «Калиновой рощи». Вспомнила, как тогда тоже было много цветов и как А. Е. всем женщинам, занятым в спектакле, подарил украшения из золота, а мужчинам — изделия из серебра.

Ты знаешь, это было совсем непохоже на «преподношение», как делали в далекие времена богатые меценаты «примадоннам». А. Е. дарил с такой деликатностью, с такой любовью к артистам, с большой благодарностью им... До сих пор артисты свято берегут эти подарки.

Мы с Надеждой Новацкой играли в очередь Пурхавку. И надо же было такому случиться, чтобы на сотый спектакль выпала ее очередь. Вот я и рассказываю А. Е., как мне хотелось играть в тот вечер, к тому же еще и иметь подарок от него.

А. Е. вдруг что-то вспомнил и вышел из номера. Быстро вернулся и принес золотые сережки и перстень с александритом. «Это, — говорит, — за тот сотый спектакль с «небольшим опозданием». Не тебе рассказывать, как я была взволнованна...

Декабрь 1965 года

Возвратившись из Москвы, я начала разбирать письма, которые пришли А. Е. Смотрю, на одном написано: «Город Киев, драматургу А. Корнейчуку». Текст этого письма переписываю тебе полностью.

«Добрый день, дорогие наши знакомые Марина и Саша! Вчера наша дочь принесла из библиотеки журнал. Смотрю, а там Вы, Саша. Я как крикну: «Иди, иди сюда, Иван, посмотри, кто тут». Иван увидел и говорит дочери, что это человек, который ехал с нами в поезде. Дочь схватила журнал и побежала к своей учительнице. Потом к нам пришли люди, и я рассказывала им о Вас. Учительница тоже много рассказывала. Теперь мы уже знаем, с кем ехали. Теперь напишите, как с вами рассчитаться.

Долгих лет вам жизни, Марина и Саша. Возний Надежда П., Ровенская обл., Красноармейский р-н, с. Крирец».

А познакомились мы с этими людьми вот как.

После лечения в Хараксе мы возвращались домой поездом. Помнишь, я тебе писала об этих «проклятых» лейкоцитах. Так вот, А. Е. чувствовал себя плохо. Стояла жара, и мы решили купить четыре места вместо двух, то есть купе, потому что ночью А. Е. трудно дышать.

Но я не раз была свидетелем того, стоит ему сесть в поезд и выйти в коридор покурить, как тут же возле него уже люди, и идет разговор. К концу путешествия он знает, куда кто едет и зачем. Начинается разговор в коридоре, а потом переходит к нам в купе.

Я попросила А. Е. в этот раз сделать исключение и никого в купе не приглашать. Он согласился. Едем. На одной из станций в вагон вошла молодая пара. Вижу, А. Е. разговаривает с ними, а потом сообщает мне, что нужно принять этих людей в наше купе. Вот в этом весь А. Е.!

Когда устроились и молодой человек мгновенно уснул на верхней полке, женщина рассказала об их путешествии и о том, что у нашей гостьи украли кошелек с деньгами. И сейчас она не знает, как добраться домой, у них еще две пересадки.

Тут А. Е. и говорит мне: «Ну-ка, Марина, что у нас там осталось?» Вытряхнули мы свои кошельки и насобирали 60 рублей. Дали деньги женщине.

Беседуя, мы не заметили, как приехали в Киев. Быстро стали собираться и не обменялись адресами. А теперь они разыскали А. Е. и написали письмо о долге. А. Е. ответил, чтобы они за эти деньги купили го-стинцев своим детям.

Декабрь 1965 года

Только что закончила печатать автобиографию А. Е. для издательства «Художественная литература». Она будет помещена в III томе «Советских писателей». Настроение у него было веселое, и вышел прекрасный юмористический рассказ. Его можно читать актерам-чтецам в концертах. Начинается он так: «25 мая 1905 года в семье рабочего-слесаря железнодорожного депо станции Христиновка родился сын. Через несколько лет я узнал от соседки, которой разбил окно самодельным

мячом, что моя фамилия Корнейчук. И с того времени я начал изучать фольклор, т. к. соседка была осведомлена в крепких народных выражениях».

Дальше А. Е. рассказывает о тяжелых годах учебы и жизни студентов-рабфаковцев, но все это в юмористической форме. Вот один эпизод.

У многих рабфаковцев были пистолеты. Вскоре профессора начали жаловаться на некоторых особо ретивых парней, которые, приходя сдавать зачеты, выставляли из кармана дула наганов. Тогда пришел приказ сдать оружие. Это взбудоражило весь рабфак. Большинство из нас считало, что через несколько месяцев произойдет мировая революция и без оружия нам никак не обойтись. Тогда нам авторитетно объяснили, что мировая революция раньше, чем через полгода, не начнется, и оружие было сдано.

В таком стиле написана вся автобиография.

Воспоминания о студенческой жизни напомнили А. Е. много интересных эпизодов из его комсомольской жизни в Христиновке.

Рассказал он мне, как тогда проходили там комсомольские собрания: начинали собрание вечером, а заканчивали под утро. Всегда было много выступающих. Каждый оратор заканчивал свою речь революционным лозунгом, все вставали, пели «Интернационал» и «Заповит» Т. Г. Шевченко.

«За ночь, — говорил А. Е., — так напоешься, что идешь домой без голоса, но счастливый...»

28 декабря 1965 года

Знаешь, оказывается, у меня есть склонность собирать архивный материал, как у музейного работника. Увидела у актрисы нашего театра фотографию, на которой изображен А. Е. с исполнителями ролей в комедии «В степях Украины». Это историческая фотография, она сделана в Москве, во время гастролей франковцев накануне войны, 20 или 21 июня 1941 года.

А. Е. растрогался, глядя на фото, вспомнил тот день, тот спектакль.

...Погрузившись мыслями в прошлое, А. Е. вспомнил премьеру пьесы «В степях Украины», которая состоялась в театре им. Ив. Франко в 1940 году. Я имела счастье видеть этот спектакль, быть свидетелем горячих дискуссий вокруг пьесы. К сожалению, эти дискуссии не всегда были объективны. И в чем только автора не обвиняли! Вспомнили мы с А. Е. и об этом. Вдруг А. Е. подошел к шкафу, достал старую папку, вытянул из нее листочек, вырванный из блокнота. Положил этот листо-

чек передо мною и говорит: «Читай». Я смотрю: написано синим карандашом, очень четко.

«Многоуважаемый Александр Евдокимович!

Читал Вашу «В степях Украины». Получилась замечательная штука — художественно цельная, веселая-развеселая. Боюсь только, что слишком она веселая и есть опасность, что разгул веселья в комедии может отвести внимание читателя-зрителя от ее содержания. Между прочим, я добавил несколько слов на 68 странице. Это для большей ясности.

Привет! И. Сталин 28.12.1940 г.»

Ну что? Поражает? Вот так и меня.

В тот же день А. Е. много мне рассказывал о сложном пути его пьес от написания до премьер.

«Все думают, — сказал он, — что мне все легко дается. А ведь мои пьесы не обходятся без довольно жесткой критики. Так было с «Богданом Хмельницким», «Фронтом». А что уж вынесли «Крылья»?!

Я была занята в «Крыльях», играла роль Лиды, дочери Ромадана, и поэтому была свидетелем всех событий, которые происходили с «Крыльями». Своими «Крыльями», как когда-то «Фронтом», он «замахнулся» на очень сложные и по-своему «опасные» проблемы, он задел лиц, не подлежащих критике. Вот где проявились талант и мудрость драматурга Корнейчука. Он смело пошел с открытым забралом на «дремлюг», как в свое время на «горловых».

И «дремлюги» ополчились на пьесу, на автора...

Даже мы — актеры — все время ощущали это, а что уж говорить об авторе?.. Чтобы выдержать силу разъяренной злости «дремлюг», нужно было самому обладать недюжинной силой, а он же человек, просто человек, с такой же нервной системой и сердцем, как у всех нас...

Мы верили, что А. Е. не растеряется, не опустит рук, а будет бороться за жизнь своих «Крыльев». И он боролся как мог... Но... В пьесе театр «подчистил» острые углы, перенес главные акценты на комические образы, сцены. А жаль... Хотя, тогда бы «Крылья» вообще не увидели сцены.

Проходит время, и все почему-то забывают об этом, — с огромной болью и горечью сказал А. Е., вздохнув.

И вдруг снова усмехнулся: «А вообще я самый счастливый и несчастный драматург.

Счастливый тем, что мне никогда не приходилось носить свои пьесы по театрам. Я не успевал закончить работу, как уже приезжали режиссеры, звонили, просили дать пьесу.

Это прекрасно.

А с другой стороны, мне больно: режиссеры соревнуются между

собой, кто первый поставит. Лучше бы соревновались за то, кто лучше поймет мою мысль, глубже раскроет образы, увидит то, что стоит за текстом...»

19 января 1966 года

Вчера утром возвратились из Кончи-Заспы, а вечером у нас было много гостей. Я бы могла не писать об этом вечере, но очень хочу рассказать тебе одну интересную историю, которую услышала тогда впервые.

Речь зашла о молодых актерах, писателях. А. Е. говорил о большом внимании, которое сейчас уделяют начинающим. Он вспомнил свою молодость.

«В 1933 году в Харькове шла с большим успехом «Гибель эскадры». После спектакля меня пригласили, — рассказывает А. Е., — в кабинет директора. Там были представители Правительства, которые поздравили меня с успехом и спросили, где я живу. Когда узнали, что я ночую в театре за кулисами, то сказали, чтобы завтра пришел в горсовет получить ордер на комнату. На следующий день я стал хозяином собственной комнаты; повесил на стене афишу «Гибель эскадры», поставил на окно свой чемоданчик, а на него положил рукопись пьесы. Потом закрыл комнату на ключ и пошел в театр.

После спектакля счастливый возвращаюсь домой. Открываю дверь и вижу такую картину: на моей кровати спит женщина с ребенком, а в углу сидит молодой человек, читает мою пьесу. Выяснилось, что выдали два ордера на одну комнату. Был я, — говорит А. Е., — очень огорчен. Стал и не знаю, что делать. А молодой человек подошел ко мне и начал говорить о «Гибели эскадры». Он прочел пьесу и считает, что для такого писателя они завтра же освободят комнату.

— Это и была, — сказал А. Е., — первая устная рецензия на мою пьесу. Я был растроган. Забрал свой чемодан, афишу и пошел в сквер. И все же — в ту ночь я был очень счастлив...»

26 июня 1966 года
Киев

Очень прошу тебя — скорее приезжай к нам. Сколько всего интересного я расскажу тебе!..

В Швейцарии была Всемирная сессия сторонников мира. Я была гостем на сессии. В президиуме сидели Чандра, Раймон Гийо, Эжени Котон, Изабелла Блюм, Эрэнбург и А. Е. Он выступил с речью как пред-

ставитель Советского Комитета Защиты Мира. Его горячо приветствовал весь зал.

Когда за ужином я поздравила А. Е. с прекрасной речью, то И. Г. Эренбург (мы ужинали за одним столом) вспомнил выступление А. Е. в 1948 году на Конгрессе сторонников мира в Польше и процитировал слова из его доклада: «Наш советский народ ничего не взял в Европе, только везде оставил свои могилы», «Конгресс поднялся и долго аплодировал Корнейчуку», — сказал Илья Григорьевич.

Я подружилась с ним. Он выглядит очень усталым. Ласково улыбается. Все время с трубкой во рту, и пепел падает на лацкан его пиджака.

В Женеве нас (мы — это А. Е., И. Г. Эренбург и М. И. Котов — ответственный секретарь Советского Комитета Мира и я) пригласил к себе на виллу индийский миллионер, владелец алмазных копей. Мы, конечно, приглашение приняли, — не каждый день приходится обедать у миллионера. Приехали на виллу, расположенную в горах. Нас встретили с индийскими поклонами. Пригласили на веранду, где слуги разносили маленькие бутерброды и сок. А. Е. начал разговор с хозяином. Мы съели по бутерброду на палочках и ждали обеда. Ведь мы очень легко позавтракали, а разговор между А. Е. и хозяином затянулся. Начали мы ходить по комнатам и искать глазами накрытый стол. И вдруг хозяева начали кланяться нам и желать счастливого пути. Молча мы сели в машину, а потом грянул смех. Вот так пообедали! Начали вспоминать, как принимаем мы гостей дома. А это же — миллионер!. Приехали в гостиницу, зашли в ресторан и заказали ужин на все наши суточные. «Нам что, в первый раз сидеть за границей без денег? — пошутил Илья Григорьевич. — Помнишь Рим? — обратился он к А. Е., и они засмеялись.

Разговор постепенно перешел на умение устанавливать контакты с собеседником. Илья Григорьевич сказал, что его всегда восхищал удивительный талант Корнейчука, талант общения.

«Действительно, он на редкость легко устанавливает связь с людьми различными по происхождению, убеждению, национальности. Кроме политического ума, — продолжал Эренбург, — у него еще и легкий украинский юмор, и душевная улыбка. Наблюдал я сегодня, как он беседовал с миллионером. Во время сугубо деловой беседы очень часто был слышен смех. Смеялся и хозяин виллы, и переводчик: Корнейчук шутил (хотя и на пустой желудок), миллионер добрел, и вот результат — имеем довольно приличный взнос в Фонд Мира. А история с английскими квакерами?» Так говорил Илья Григорьевич Эренбург.

А. Е. очень деликатно с шуткой перевел разговор.

Когда после ужина мы пришли к себе в номер, я спросила А. Е.: «Что за история с квакерами?» И вот что он мне рассказал.

В одну из поездок в Англию — в 1954 году он встретился с представителями этой влиятельной и очень богатой организацией, которая, однако, в отличие от многих других религиозных организаций, не принимала активного участия в движении сторонников Мира. А. Е. вел долгую

беседу с представителями этой организации, а в конце беседы кто-то из квакеров сказал: «Завтра у нас молитвенный день. Сможете вы прийти в наш дом?» «Я приду», — ответил А. Е.

На рассвете А. Е. вместе с переводчиком отправились в путь. Ритуал проходил в старинном замке. Люди молча сидели вокруг большого камина. Это и было «самосозерцание». Потом один из них поднялся и начал рассказывать о том, какие грехи накопились на его совести за этот отрезок времени, миновавший с последнего молитвенного дня. После паузы поднялся второй. Обращаясь к людям и богу, он просил прощения. И так все по кругу. В конце все поздоровались друг с другом и разошлись.

Тогда А. Е. сказал квакерам: «Вот вы сегодня искупили все свои грехи. И так можете делать каждый раз. А нам — коммунистам — нужно всегда иметь чистую совесть, нам никто не искупит греха, мы всегда остаемся наедине со своей совестью».

На следующий день все английские газеты писали, что член ЦК КПСС посетил молельный дом квакеров, в сообщениях приводились слова А. Е.

Вот такую историю поведал мне А. Е.

*Июль 1966 года
Плюты*

Как только возвратились из-за границы, на следующий день были уже тут, в Плютах. А. Е. очень устает в этих поездках, все время в состоянии напряжения, все время надо контролировать себя, а к тому же — такая большая ответственность во время работы Всемирного Комитета Защиты Мира.

Тут, в Плютах, можно полностью расслабиться, покой, тишина... Вышел во двор, и уже идет беседа с добрыми соседями.

Наш огород граничит с одной стороны с огородом деда Макара и бабки Гальки, а с другой — огород бабки Ольки. Это очень колоритные фигуры (как и большинство обитателей Плютов), и они достойны того, чтобы немного рассказать о них.

Бабка Галька — высокая, худая. Ходит по огороду спокойно, с достоинством, заложив руки на спину. Ее называют «унтер». Дед Макар коренастый, как дуб. Каждый вечер он сосредоточенно всматривается в горизонт и, наблюдая заход солнца, всегда, почти безошибочно, угадывает погоду следующего дня. И если у А. Е. есть намерение и возможность поехать на рыбалку, он обязательно воспользуется «прогнозом погоды» дед-синоптока «местного значения», как шутит А. Е.

Бабка Олька — маленькая, шустрая, из всего торопится сделать «бизнес».

А как А. Е. любит под вечер спуститься на берег, где собрались уже плютовские деды, и посидеть с ними. Я сажусь ближе к воде, чтобы не мешать их разговору, и наблюдаю.

Вот А. Е. подходит к компании, и деды по очереди, с чувством собственного достоинства, «ручкаются» с ним. Потом начинается самый интересный момент общения. Как всегда, хитро прищулив один глаз, начинает дед «Часнык» (так прозвали его в Плютах, а настоящая фамилия его Плюта, но спроси Плюту — никто не знает, а скажи «Часнык» — знают все): «Вот мы читали, уважаемый Евдокимович, что американцы...» — и завязывалась беседа.

Однажды дед Макар во время беседы говорит: «А помните, Александр Евдокимович, как вы начинали возле моей хаты строить свой дом?»

«А ты, Макар, помнишь, как был сторожем на этом строительстве и кирпич оттуда таскал себе на хату?» — спросил Часнык смеясь.

«Э,— сказал бодро дед Макар,— я тогда объяснил А. Е. и сейчас говорю: к А. Е. приезжают гости со всего мира, а моя хата рядом стояла, старая, некрасивая. Чтобы дорогому нашему А. Е. не было стыдно за соседа перед гостями, я и решил первым делом довести до толка свою хату. Теперь, как видите, она не портит нашу улицу».

Все смеются, а А. Е. веселее всех.

Плютовский пьянящий воздух, возможность вдосталь посидеть со спиннингом на Днепре, беседы с плютовскими «философами» — все это неисчерпаемый источник сил и вдохновения в его жизни.

Август 1966 года

...Ты пишешь, что эта неделя, проведенная с нами на лодке, вечера у костра, беседы и наше трио — лучшие минуты твоей жизни... Спасибо тебе. Твое присутствие тоже было радостью для нас. Вот уж мы попили!..

Ты почувствовала, как А. Е. любит песни?

Тебя интересует, всегда ли А. Е. так аккуратен на рыбалке, или может быть, повлияло присутствие посторонней женщины? Хотя А. Е. действительно настоящий джентльмен по отношению к женщинам, но он и на рыбалке, независимо от того, есть ли рядом кто-то посторонний, или нет, придерживается определенного ритуала: бреется каждое утро, меняет сорочку (только белую). Я за это время тоже должна привести себя в надлежащий вид и накрыть стол на корме для завтрака. И только тогда настает время рыбной ловли. Как ты видела, после каждой наживки червяка на крючок спиннинга он моет руки с мылом, а потом закуривает и говорит шутя: «Рыба любит чистоту и дым».

Май 1966 года

...Приехала из Плютов на несколько часов, чтобы забрать почту и сделать кое-что по хозяйству. Среди большого количества писем к А. Е. я нашла маленькую бандерольку. Ее прислали водолазы из Новороссийска. Переписываю их письмо.

«Уважаемый товарищ Корнейчук!

После просмотра фильма «Гибель эскадры» водолазы Новороссийской группы А. С. П. Т. Р. посылают Вам надписи из котельной миноносца «Фидоносий», который мы подняли в 1964 году. Нам очень понравился фильм, в благодарность просим принять от нас этот скромный подарок.

Водолазы: Гебиненко, Мазов, Кречков, Ледков,
Синевский, Лысенко. 22.04.66 года».

И к письму прилагают две пластинки с надписями: «Кочегарка 2, парь» и «Конел 2, Главный стопорный клапан».

У меня есть небольшая рамочка, сейчас вставлю в нее это письмо с пластинками и повешу в кабинете А. Е.

Вот будет радость!

Р. С. А. Е. очень обрадовал этот подарок. Каждому водолазу он подписал на память свою фотографию, и я вместе с твоим письмом отнесу их на почту.

Июнь 1966 года

В Киев на гастроли приезжал МХАТ. А. Е. устроил встречу с артистами этого прославленного театра в ресторане «Наталка», который недавно открылся. Это оригинальное сооружение в старинном украинском стиле. Нам очень понравилось оформление самого помещения, национальные блюда, оркестр, играющий на народных инструментах, и притом на удивление тихо.

Вот в этом укронном, тихом (для москвичей тишина — особенная роскошь) месте А. Е. и устроил встречу со своими старыми друзьями-мхатовцами. Тут были А. Степанова, О. Андровская, Б. Ливанов, М. Яншин, М. Прудкин, В. Топорков и А. Грибов.

Встреча, как говорят в таких случаях, прошла в дружественной, теплой обстановке...

Сентябрь 1966 года

...Ходили гулять в Первомайский парк. Еще издали слышали прекрасную музыку в исполнении симфонического оркестра и пошли на те чарующие звуки. На летней эстраде шла репетиция нашего симфони-

ческого оркестра. Сели на скамеечке и слушали. Репетиция окончилась. Оркестр встает, и скрипачи приветствуют А. Е.: они стучат смычками по декам скрипок. Дирижер, Натан Басов, низко поклонился. Когда мы отошли, я спросила, почему такая честь драматургу? И А. Е., взволнованный этой встречей, рассказал, что музыканты, наверное, вспомнили один случай.

Это было сразу после войны, когда А. Е. был председателем Комитета по делам искусств. Как-то он пошел на концерт нашего симфонического оркестра под управлением Натана Рахлина. Во время концерта А. Е. обратил внимание, что музыканты очень плохо одеты, кто в чем. Тяжелое было время, Киев стоял еще в развалинах, люди голодали. И все же А. Е. обратился в Совет Министров УССР с просьбой обеспечить оркестр концертными костюмами. Он тогда говорил, что люди, которые придут послушать этот оркестр, должны поверить, что скоро все будет, как когда-то до войны.

Сколько лет прошло, а люди помнят...

14 сентября 1966 года

И снова в путь! На сей раз едем в Варшаву. Настроение чудесное. А. Е. закончил пьесу под названием «Расплата». В основу легла его старая пьеса «Мечта». Когда-то «Мечту» хотели поставить во МХАТе, но по некоторым причинам зритель так и не увидел пьесу. В «Расплату» А. Е. ввел много новых действующих лиц. Пьеса получилась острее, интереснее «Мечты».

14 января 1967 года

Ты, должно быть, знаешь, что А. Е. любит цирк и старается не пропустить ни одной новой программы.

Вот и вчера пошли посмотреть зверей Юрия Дурова и выступление клоуна Олега Попова. Во время цирковой программы я люблю украдкой, конечно, наблюдать за выражением лица А. Е. Тогда вижу две программы одновременно, потому что смотреть, как реагирует А. Е., забавляет меня не меньше, чем происходящее на манеже. Как он непосредствен во время этих представлений! Особенно когда выступают клоуны и звери — тут А. Е. смеется до слез. Во время антракта в кабинете директора, куда нас пригласили вместе с артистом театра им. Л. Украинки — В. М. Халатовым, он рассказал, что в молодые годы выступал в цирке со смешными куплетами. А. Е. очень внимательно его слушал и попросил вспомнить текст куплетов. Виктор Михайлович с удовольствием исполнил его просьбу.

Эту интересную беседу прервал звонок — антракт закончился, мы оправились смотреть второе отделение программы.

Программа нам очень понравилась, и А. Е. попросил своего друга, директора цирка С. С. Ялового, провести нас за кулисы и познакомиться с артистами. Завязался разговор. А. Е. говорит: «А почему мы разговариваем тут стоя? Давайте продолжим нашу беседу у нас дома, за столом».

Приехали к нам двенадцать человек. Среди них артисты цирка всех жанров, и, конечно, были Юрий Дуров и Олег Попов. Какие они все интересные люди! Сидели до трех часов ночи...

Весь вечер А. Е. с особенным вниманием слушал рассказы Дурова и Попова. Когда гости ушли, А. Е. подошел к столу и на листе бумаги написал большими буквами «Пат и Паташон!!!».

По его настроению, загадочной улыбке я поняла — рождается какой-то замысел...

19 февраля 1967 года

Ты не упрекай меня, что не пишу тебе.

Горе у нас. У А. Е. тяжелая болезнь крови — лейкемия. Ездили в Москву на консультацию к врачу. Есть такой профессор Касирский И. А. Говорят, «бог» в этом деле. Ничего утешительного он нам не сказал. «Строгий режим, не переутомляться», — посоветовал он. Но разве А. Е. сумеет выдержать этот «строгий режим?»..

*27 февраля 1967 года
Прага*

Как тесно переплетаются в жизни горе и радость. Еще так недавно мы были на консультации в больнице, и все время, хоть мы и не говорили об этом, нас угнетал приговор Касирского. Что бы я ни делала, где бы мы ни были, это страшное слово «лейкемия» не оставляет меня... И вот пришла к нам великая радость.

Ты, может быть, уже знаешь о ней. Хочу рассказать, как все было.

22 февраля приехали в Прагу на сессию Президиума Всемирного Совета Мира, а 27-го где-то в семь часов утра — телефонный звонок. Трубку взял А. Е. Слышу сквозь сон, как он благодарит кого-то. Положил трубку и говорит: «Марина, я герой». Я решила, что он шутит, как всегда с утра, чтобы создать хорошее настроение на целый день, и говорю: «Герой, герой, ложись спать, еще рано». А он: «Послушай, меня наградили Звездой Героя Социалистического Труда. Это был звонок из нашего посольства».

Тут все закрутилось... Звонили, поздравляли...

Ура! Саша закончил свою комедию!

Я тебе еще бог знает когда писала, что он рассказал мне о своем замысле. Тогда пьеса условно называлась «Золотая свадьба». Сейчас эта уже готовая комедия называется «Мои друзья».

Я имела счастье наблюдать процесс работы. От замысла до последней точки.

Нелегко все давалось. Меня удивляло; так красочно он тогда рассказывал эпизод за эпизодом, описывая главных героев, и казалось бы, остается все это изложить на бумаге.

Оказалось, как говорит А. Е., они не стали ему близкими, родными. Не стали для него реальными людьми. Он их еще не ощутил, не услышал их голосов. «Когда они постучат в мое сердце, тогда я не смогу не сесть за стол», — говорил А. Е.

И вот наконец он пишет...

Долго ищет реплику к началу первого действия. «Она должна быть действенной, чтобы сразу завладеть вниманием зрителя», — говорит А. Е. И, как пример, вспоминает начало пьесы «В степях Украины».

Возвращаясь к «Моим друзьям». Начало найдено. Первое действие А. Е. переписывает много раз, а дальше все меньше и меньше исписанной бумаги идет в корзину, что возле стола. Во время работы А. Е. очень часто разговаривает, проверяя «на слух» диалоги героев. Кабинет у А. Е. — большая комната. И я только сейчас поняла, что это не случайность, не каприз, а необходимость для него как для драматурга. Это дает ему возможность расставлять своих персонажей в своем воображении, как на сцене. И только сейчас я поняла, почему в пьесах Корнейчука такие точные ремарки.

Начинает работать А. Е. в восемь часов утра и заканчивает где-то в три. В доме должна быть тишина. Вот поэтому А. Е. так любит писать на даче в Плютах. После обеда — отдых, а вечером он снова садится за стол или ведет разговор о новой пьесе. Я написала «разговор», но это не совсем так. Скорей это «монолог» А. Е. А я слушаю внимательно. Ему нужен такой слушатель, чтобы проверить себя.

С друзьями и знакомыми А. Е. замыслом почти не делится. На вопрос «Над чем работаете?» он отвечает шуткой.

И вот наконец пьеса готова. Начинаю печатать ее. От «Золотой свадьбы» осталось очень мало. Я спрашиваю, почему так. А. Е. отвечает: «Сейчас, как видишь, мои герои ожили и сами ведут меня. Они часто действуют не так, как мне раньше хотелось...»

24 мая 1967 года
Москва

...Была гостем на IV съезде писателей. Открылся он в Кремле. Можешь представить мое волнение...

А. Е. был в президиуме. Турсун-Заде, Кербабаяеву, Тихонову и ему было поручено внести знамя Союза писателей СССР, на котором закреплена правительственная награда. А. Е. нес знамя. Это было очень торжественно! Много гостей из-за границы. На другой день начался у них серьезный профессиональный разговор, а у меня была возможность целый день ходить по Москве.

В одном из киосков увидела среди фотооткрыток киноартистов улыбающегося А. Е., закупила все (60 штук). Продавщица киоска смотрела на меня с удивлением, даже с испугом. Дескать, видела театроманок, но такой... Пришла в наш номер и по всей комнате расставила фотографии А. Е. Он возвратился с заседания и как глянул на фотовыставку, так долго смеялся. Потом сел за стол и на одной фотографии написал:

«Дорогой Марине — моей радости, моей любви. Твой Саша».
24 мая 1967 год, Москва».

Мои старания были не напрасны! Оценил!!!

27 мая 1967 года
Москва

Только что ушли от нас гости. А. Е. лег отдохнуть, а я хочу поделиться с тобой своей радостью. Сегодня нашими гостями были М. А. Шолохов (!!!) и еще два товарища из ЦК КПСС, из международного отдела.

Сначала разговор у них шел о делах съезда, потом заговорили о событиях во Вьетнаме, и как-то разговор перешел на Великую Отечественную войну. Вдруг Михаил Александрович обратился ко мне с просьбой вспомнить что-нибудь из своей фронтовой жизни. Я догадалась, что мой дорогой А. Е. уже по дороге в гостиницу успел что-то рассказать Шолохову обо мне.

Ты знаешь, как я почти всегда стараюсь избегать этой темы, потому что, как понимаю, ничего героического в моей фронтовой жизни не было. Я добросовестно исполняла свои обязанности старшего сержанта медицинской службы. Но отказать Шолохову... Да и А. Е. смотрел на меня подбадривающе.

Я задумалась: что же ему рассказать? А А. Е. и говорит: «Расскажи, как ты с немецкими фашистами встретила в лесу».

И я рассказала. Это было в 1943 году. Позади Сталинградская битва.

Нашу 167-ю танковую бригаду перебросили на Северо-Западный фронт. Поздняя осень... Дожди, болота... Наши танки стоят, так как болота не дают возможности продвигаться с боями дальше. Ждем мороза. И вдруг... Никогда не забуду этот день: после месяца стоянки в болоте — мороз, и блестящий снег, и солнце.

Врач нашей части приказал мне обойти блиндажи наших бойцов, проверить санитарное состояние. Я пошла. Вокруг меня был сказочный, северный, роскошный лес, какого я еще никогда в жизни не видела, ведь я — из степей. Зимний лес, блестящий снег, лучи солнца, пробивающиеся сквозь ветви деревьев, — все это очаровало меня. Война, враги, огонь, танки — все стало далеким, совсем исчезло. Остались я и моя молодая радость, мое почти детское восхищение красотой леса.

Я запела «Лугом иду, коня веду», и вековые деревья подхватили мое пение, все пело во мне, казалось, конца не будет этому лесу, солнечному дню, моей радости, и вдруг слышу: «Браво!..» Глянула и обомлела: из траншеи на меня смотрели два немецких солдата, улыбались, опираясь на автоматы. Я ощутила страшную опасность. Мгновенно почему-то вспомнила, как когда-то в детстве меня учили не удирать от злой собаки, уходить от нее медленно и спокойно, не ускоряя шаг. И когда я, так, «спокойно» пройдя определенное расстояние, поняла, что пуля меня уже не достанет, ноги сами понесли меня с невероятной быстротой.

Вспоминая это теперь, я еще и еще раз убеждаюсь в том, что именно большая сила искусства, песни, эмоциональная моя приподнятость остановили даже руку врага.

Михаил Александрович слушал меня очень внимательно. Иногда улыбался, а когда я рассказала о моем последнем участии в танковой атаке, о тяжелом ранении, о госпитале, он подошел ко мне, взял мою руку и с волнением поцеловал, а я заплакала...

Михаил Александрович советовал написать обо всем этом. А. Е. засмеялся и сказал: «Вот когда не смогу писать пьесы, возьмусь за свои воспоминания, а Марина за свои».

Июнь 1967 года

Сегодня были на персональной выставке Марии Приймаченко. Просто в восхищении от того, что увидели своими глазами. А. Е. очень любит живопись, но с особенной любовью относится к творчеству народных талантов.

Сейчас купил на выставке работу Марии Оксентьевны «Ой, за гаем, гаем».

Пишу тебе, а передо мной висит рушник, который выткала народная ткачиха Анна Верес. На рушнике Анны Верес, как ты помнишь, висит картина А. Ф. Санко «Казак Мамай». Вот как она попала в кабинет А. Е. Он был на персональной выставке этого уникального худож-

ника, который «пишет» свои удивительные картины цветной соломкой. Александр Ферাপонтович увидел, с каким восхищением А. Е. всматривался в картину «Казак Мамай», и прислал ее в подарок А. Е. Ты бы видела, как растерялся А. Е.

Он стал отказываться: «Ведь я никому не дарю свои рукописи, а это же уникальное произведение!» Отправить картину автору А. Е. не мог, это значит обидеть художника, и А. Е. стал искать выход из этого деликатного положения. Выход был найден, А. Е. узнал цену, которую могла бы установить закупочная комиссия за такое произведение, и перевел деньги на имя дочери Санко — Нины, которая учится в университете. На переводе написал: «Вам, дорогая Нина, дотация к стипендии».

Если уж коснулась истории вещей, украшающих кабинет А. Е., так послушай еще одну. Ты видела на маленьком столике нашего «украинского уголка» вышитый рушник со словами «Крепкая семья — крепкая держава». С этими крылатыми словами связана довольно смешная история. Как-то звонят из Центрального дома торжественных событий и спрашивают: «Чи это слова «Крепкая семья — крепкая держава»?

— А в чем дело? — спросила я.

— Дело в том, что мы сперва подписали «К. Маркс», а потом «Горький», а теперь говорят, что это Корнейчук.

— Да, — ответила я, — героиня Корнейчука Наталка Ковшик из «Калиновой рожи» произносит эти слова.

Через некоторое время я зашла в Дом торжественных событий, чтобы посмотреть, как там написано, и вижу — высказывание есть, а кто автор — нет. Рассказала А. Е., он выслушал и, весело смеясь, сказал: «Не подписали? Зато в какую гениальную компанию я попал!»

Июль 1967 года

Приехали из Плютов. А. Е. взял свою корреспонденцию и пошел в кабинет. Через некоторое время позвал меня и показал письмо от К. Г. Паустовского. Он пишет:

«Дорогой Александр Евдокимович, если бы Вы только знали, как мне неловко беспокоить Вас личной просьбой. Одно извиняет — здоровье, я очень болен и сил так мало, что сам я ничего не могу для себя сделать.

Прошу Вас, если можно, конечно, помогите мне. Дело в том, что я должен жить в Ялте большую часть года. В Доме творчества, где я живу сейчас с семьей, не только неудобство для моего возраста и состояния здоровья, но и по многим мелочам просто очень трудно.

Я решил построить дом в Ялте из двух маленьких комнат с террасой. Весь дом площадью 8,5 × 9 кв. м. Нужен небольшой участок. Вот в участок все и упирается. Я разговаривал с ялтинскими властями — они говорят, что 5—6 соток земли, негодной для городского строительства,

конечно, найти можно, сделать это без указания Совета Министров Украины они не имеют права. Прошу Вас, поддержите мою просьбу. Вряд ли я смогу Вам чем-нибудь за это отплатить и говорю про-сто — спасибо».

Обеспокоенным состоянием здоровья Константина Георгиевича, А. Е. отложил еще не прочитанную корреспонденцию и написал на имя В. В. Щербицкого письмо, в котором доказывал необходимость удовлетворить скромную просьбу прекрасного писателя, классика русской литературы К. Г. Паустовского. Чтобы это письмо скорее попало к месту назначения, А. Е. попросил шофера отвезти его в Совет Министров.

Но на этом А. Е. не успокоился. Где-то часа через два смотрю — собирается куда-то идти. Оказалось, что за это время А. Е. уже договорился о встрече с В. В. Щербицким и будет говорить относительно просьбы Паустовского.

Из Совета Министров возвратился в добром настроении, К. Г. Паустовский будет жить в своем доме в Ялте.

*Ноябрь 1967 года
Москва*

А. Е. пошел в ЦК КПСС, а я, имея свободное время, расскажу тебе очень интересную историю.

Вчера мы шли по улице Горького, и, когда почти подошли к дому ВТО, А. Е. остановился и сказал:

«Вот здесь в 1938 году я встретил Алексея Николаевича Толстого. Мы поздоровались, и он своим громким голосом спросил: «Что привез?» (А. Е. очень удачно имитирует голос и поведение своих друзей, знакомых). «Богдана Хмельницкого», — ответил я, — хочу прочесть его в Малом театре».

«Нет, — говорит Толстой, — ты будешь читать у меня дома. Я первый написал про Петра, а ты про своего Богдана. Это большое событие для наших культур, и нужно, чтобы твою пьесу послушали и другие представители интеллигенции Москвы, а не только Малый театр».

На следующий день вечером А. Е. сидел в большом рабочем кабинете А. Н. Толстого, где собралось много гостей. Среди них известные актеры, критики, режиссеры, писатели...

Когда автор окончил читать пьесу, поднялся Пров Садовский и сказал, что «Богдан» должен быть поставлен в Малом театре. Пьеса народно-романтическая, она в духе традиций Малого театра.

Так и порешили.

Алексей Николаевич пригласил всех в столовую, где был накрыт стол.

Мы уже возвратились в гостиницу, а А. Е. все вспоминал об огромном успехе пьесы, о лучших ее постановках...

Перед войной А. Е. написал сценарий «Богдана Хмельницкого» для режиссера Игоря Савченко. Ты, наверное, помнишь прекрасную игру Мордвинова в главной роли, Жарова — дьяка Гаврилу, молодого Андрева — Довбню, Милютенко — Потоцкого...

Послушай дальше о судьбе этой пьесы, как я слушала А. Е., когда он рассказывал мне обо всем этом.

«Богдан» имел большое патриотическое значение во время войны. И доказательство этому — орден Богдана Хмельницкого. Во время войны, как ты знаешь, А. Е. исполнял обязанности заместителя министра иностранных дел. Ему приходилось встречаться с И. В. Сталиным. А Сталин в свое время смотрел пьесу в Малом театре. Однажды он и сообщил А. Е., что будет утвержден орден Богдана Хмельницкого; и пьеса А. Е. имела к этому немаловажное отношение, потому что, по словам Сталина, Корнейчук снова напомнил людям о великом сыне украинского народа и его исторической миссии.

Уже наступила ночь, а мы все разговаривали. А. Е. вспоминал, а я слушала...

Октябрь 1967 года

Несколько дней тому назад А. Е. был на встрече с рабочими завода. Конечно, я пошла с ним.

Я присутствовала на многих встречах А. Е. с рабочими, колхозниками, интеллигенцией, и становилась свидетелем его умения овладеть вниманием аудитории. И в этот раз он был на трибуне прежде всего драматургом, который хорошо знает своего зрителя. Я слушала и вспоминала, как когда-то он объяснял мне, почему даже самые напряженные диалоги в его пьесах переплетаются неожиданно с юмористическими нотками.

«...Посмотри, как ведет себя серьезный зритель во время спектакля. Вот идет серьезный разговор между персонажами. Людям интересно. Они даже всем телом подались вперед. Но долго так сидеть невозможно. Они устанут, внимание поневоле ослабеет. Им нужно дать передышку. И тут юмор сослужит необходимую службу. Зрители заулыбаются, почувствуют себя свободнее, удобнее усядутся в креслах. И вот теперь можно продолжить серьезный диалог».

На этой встрече он остался верен своей «тактике».

Рабочие чувствовали себя удивительно непринужденно. Начались вопросы. Вдруг один рабочий спросил: «А правда, Александр Евдокимович, что вы миллионер? Говорят, что у вас открытый счет в банке». Зал замер.

Секретарь партбюро сказал, что этот вопрос не по существу. А. Е. спокойно ответил: «Нет, все хорошо. Должен вас разочаровать, дорогой

товарищ, я не миллионер и им быть никак не могу. Я получаю хорошие деньги за пьесу, если ее напишу, а работаю над каждой пьесой два года. Разделите мой гонорар на два года, учтите, что я больше нигде не получаю денег (все мои «посты» выборные). Как и все люди, я люблю принимать гостей в праздники и кроме них. Теперь вам понятно, что миллионер из меня никак не выйдет.

Вы можете вспомнить мои Государственные премии, за них я получал немалые деньги, но скажу вам откровенно, хотя об этом никогда и нигде не говорил: на деньги Государственных премий, полученных во время войны, был построен танк, которому я дал название «За Радянську Україну».

Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами» я отдал в Фонд мира. Так что, дорогие товарищи, у меня остались только дорогие моему сердцу звания лауреата и свидетельствующие об этом медали».

Что случилось в зале!.. Рабочие стоя аплодировали А. Е. Потом рабочие принесли небольшой бюст В. И. Ленина. Он был сделан их руками на этом заводе. Один человек вышел на сцену и сказал: «Это вам, дорогой Александр Евдокимович, от рабочих нашего завода, как настоящему коммунисту».

Сейчас этот бюст Владимира Ильича стоит на книжной полке в кабинете А. Е.

25 ноября 1967 года

Вчера состоялась премьера «Моих друзей» в театре им. Франко. Спектакль прошел блестяще. В конце спектакля зрители стоя приветствовали актеров и А. Е., долго не расходились. Да, премьера, успех, аплодисменты... Все это уже позади, а вчера...

А. Е. поднялся очень рано, целый день не находил себе места, брал книгу, листал ее, почти не читая, и все время посматривал на часы. Наконец, шесть! Можно одеваться! Он нервничает. Берет один галстук — нет, плохо, другой, третий... Не дождавшись семи, едем в театр.

На премьере, как и всегда, сидит в директорской ложе. Точнее сказать — стоит в глубине ложи. Очень часто выходит в коридор курить, не может скрыть своего волнения. Сегодня я спросила: нельзя ли привыкнуть за столько лет к премьерам, нужно ли вот так волноваться? И вот что он мне ответил: «Понимаешь, прозаик написал роман, и он не знает, как его читают. Может, кто-нибудь на первой странице уснул или вообще купил и поставил на полку, а драматург каждый раз держит публично экзамен. Публике нет дела, какой он — известный или молодой, начинающий, ей безразлично, есть автор в зале, или его нет. Ей интересно — она слушает, нет — кашляет, крутится, начинает беседу с соседом

или вообще покидает зал... Каждый раз ждешь от публики, какой она вынесет приговор твоей работе. Вот и попробуй не волноваться...»

Итак, еще одна премьера. Счастливая премьера «Моих друзей».

Январь 1968 года

Новый год, как всегда, встречали у нас дома. Главным событием этого вечера был сюрприз Варвары Алексеевны (жены Остапа Вишни). Она принесла для А. Е. самый оригинальный, самый дорогой новогодний подарок — фотокопию выписки из дневника Остапа Вишни. Наверное, в своем дневнике он дает характеристики многим писателям. Вот что он пишет об А. Е.

«А. Е. Корнейчук. Много сделал для развития советской драматургии. Талант? Да — талант. Молодой он еще — 43 года. Думаю, что он еще много даст для литературы. Говорят: «баловень». А почему другие не могут быть «баловнями»? Выходит — нет того, за что делаются «баловнями». Умница Александр Евдокимович! Попробуйте стать на его место! Это нелегко! А он, Корнейчук, с честью ведет себя и литературу. Это очень тяжело! Болеет, выболивает и дает! Завалило человека славой, с головой в славе, дышать нечем! А вот Корнейчук поднял голову из этого шквала, отряхнулся, и показалось хорошее лицо настоящего человека! Попробуйте! Это не так легко! А кое-кто ходит в славе, вскочил в ту славу, как Сирко в дерть, — она уже сама от него осыпается, а он хватается ее и прижимает к себе, прорехи закрывает... Осыпятся... Ничего не сделаешь! Ничего!»

Ты себе можешь представить, как приняли мы все эту «речь» Остапа Вишни. Конечно, тут же подняли бокалы за его светлую память, за его непреодолимую силу — украинский всепобеждающий юмор.

Через некоторое время разговор снова возвратился к теме «слава». А. Е. сказал, что «слава» — это большое испытание для человека. Вспомнил, как сам прошел через это испытание.

Когда его пьеса «Платон Кречет» с триумфом шла на сценах нашей страны и за границей, когда он, как говорится, «проснулся наутро знаменитым», и у него появились большие деньги, и вместе со славой, деньгами появилось много так называемых «приятелей». Стоило ему приехать в Москву, как в номере у него сразу полно людей, на столе бутылки и идет «творческий» разговор до утра. И так каждый день.

В один из его приездов собрались у него люди, которых он почти не знал. И снова ужин с бутылками... Проснулся А. Е. утром и увидел, что спит, свернувшись калачиком в кресле, а на диване, на его кровати спят какие-то люди, везде окурки, на столе гора бутылок...

Его объел ужас. И тогда он сказал себе: «Стоп, Саша!» Пошел в ван-

ную комнату, привел себя в порядок, взял счета из ресторана, которые лежали на столе, спустился к дежурному, расплатился и уехал в Киев.

Через некоторое время снова приехал в Москву — и начались телефонные звонки, но никого из «приятелей» А. Е. больше не принял. Его оскорбляли, провоцировали... Вот так он себя спас.

*Март 1968 года
Аскания-Нова*

Нас, как птиц, тянет на юг, на солнышко. В Киеве сейчас еще холодно: то снег, то дождь. Вот мы и решили встретить весну в Аскании-Новой. Утром выехали из Киева и ехали целый день, очень редко останавливались, чтобы отдохнуть. А. Е., я и шофер, вконец уставшие, решили переночевать в запорожской гостинице. Когда мы зашли в вестибюль, было уже около одиннадцати часов ночи, и он был полусвещен. А. Е. стал в очередь к администратору. Перед окошком стояли двое мужчин, которые вскоре получили номера, а А. Е. (он, конечно, не представился дежурной) было сказано, довольно невежливо, что мест в гостинице нет.

Мы были в безвыходном положении. У нас не было сил, чтобы ехать дальше, к тому же на дворе шел дождь... К нам подошел один из тех двух «счастливчиков» и шепотом сказал: «Положите в паспорта деньги, и номер на ночь у вас будет».

А. Е. глянул на меня и говорит: «Вот сюжет для фельетона — «Председатель Верховного Совета Украинской ССР дает взятку». Тогда я попросила номер телефона обкома партии. Не буду описывать тебе всех моих звонков, но в конце концов мы ночевали в гостинице. Свободные номера, оказывается, были...

Всю дорогу до Аскании-Новой А. Е. был необычно молчалив, а вечером сказал: «Все! Нельзя молчать, когда хамство, взяточничество поднимают голову. Пишу сатирическую комедию». И начал рассказывать свой замысел комедии. Он решил, что это будет кинокомедия, ведь возможности кино фантастичны! Сюжет сложный. Библейская легенда переплетается с сегодняшним днем. Действующие лица: Ной, его сыновья — Яфет, Сим и Хам. Вот с каких времен существуют хамство и взяточничество! Наверное, случай в гостинице был той последней каплей, которая переполнила чашу размышлений А. Е. на эту тему.

Апрель 1968 года

К А. Е. приехал А. В. Эфрос, режиссер Московского драматического театра с просьбой поставить в своем театре, что ты думаешь?.. «Платон Кречет»!

А. Е. был очень удивлен. Между ними произошел такой диалог:
— Я не могу запретить вам ставить «Платона». Пьеса написана более тридцати лет тому назад. Много раз переиздавалась. Вы могли бы взять ее без моего разрешения.

— Понимаете, Александр Евдокимович, дело в том, что два моих предыдущих спектакля не увидели свет. Последние несколько лет меня преследует неудача. Думаю, вы слышали об этом. Вот почему я приехал просить вас разрешить мне работу над «Платоном».

— Ставьте, но помните, что пьеса очень дорога мне. Прошу бережно обращаться с текстом и не переставлять сцен, как это сейчас модно. Спектакль должен быть светлым, чистым. Мизансцены стройте, как хотите, это ваше дело режиссера, но вот идея... Не исполните моих просьб — будет еще один спектакль, которого не увидит зритель...

Анатолий Васильевич в хорошем настроении ушел из нашего дома.

Будем ждать его спектакль «Платон Кречет» в Театре «На Малой Бронной».

16 мая 1968 года

Сегодня опять в путь. Куда? На этот раз очень далеко. — Кипр (!). Мы сядем в Одессе на теплоход и сойдем в Никосии, где состоится сессия Президиума Всемирного Совета Мира.

Кипр... Обложилась литературой и читаю, что там, в Фамагусте, есть замок — место действия знаменитой трагедии Шекспира «Отелло». Именно там, в Лимасоле, вышла из моря, согласно легенде, прославленная Афродита, там стоит греческий театр, основанный в VI веке до нашей эры, там...

А сколько увидим, когда будем стоять в портах Варне, Стамбуле, Александрии...

11 июня 1968 года

Освобождала письменный стол А. Е. от лишних бумаг, и в руки попала папка с рукописью «Ной и его сыновья». К большому сожалению, с этим сценарием случилось то, что я предвидела, — поездки за границу в делах мира, депутатские обязанности «закрутили» А. Е., и он не возвращается к сценарию. Пусть лежит до лучших времен, может быть, когда-нибудь он и возвратится к этой теме...

Июнь 1968 года

Ты права, когда называешь нас «непоседами». Я действительно только и делаю, что упаковываю и распаковываю наши чемоданы... Ездили на родину нашего друга, актера театра им. Франко Михаила Заднепров-

ского, в Каменку. Сколько на нашей Украине красивых и знаменитых мест! Каменка — Чайковский, Пушкин, декабристы... А Холодный Яр? Гонта, партизаны... Так вот, поехали мы всей нашей компанией в Холодный Яр шашлыки жарить. Миша Заднепровский — великий мастер этого дела! Приезжаем туда, а там много собралось народа. Оказывается, каждый год в это время собираются здесь бывшие партизаны. Ну, и пошло «братание» искусства с партизанами!..

Смотрю, к А. Е. подошла маленькая женщина, и начался у них разговор. Потом А. Е. зовет меня. Когда я подошла, он с улыбкой говорит: «Послушай, что рассказывает Галина Степановна!» А Галина Степановна смотрит на А. Е. и тоже улыбается: «Ну, и хитрый же ваш А. Е. Делает вид, что впервые слышит обо мне. Признайтесь, кто из наших бывших партизан рассказал вам обо мне?» Я почувствовала, что неспроста такой радостью блестят глаза драматурга, и говорю Галине Степановне: «Расскажите лучше сами, а то мало ли, кто как расскажет». Передаю тебе почти дословно рассказ Г. С. Лисаченко.

«Смотрели мы с мужем в Черкассах в театре пьесу Александра Евдокимовича «Мои друзья». И как только начала говорить Варвара о партизанской жизни, о том, как она хлопцам борщ варила, так я сразу догадалась, что это вы, Александр Евдокимович, обо мне написали. Давайте, дорогой Александр Евдокимович, на добрую память сфотографируемся».

Потом повела нас партизанская «мать», как ее называют бывшие бойцы отряда, и показала то место, где была ее кухня.

«Вот здесь, бывало, стою с разливной ложкой в одной руке и с гранатой в другой. Где-то недалеко идет бой, а у меня борщ недоварен. Вот, думаю, хотя бы успеть хлопцев накормить. И такая меня злость берет на тех проклятых фашистов!..»

А теперь возьми пьесу «Мои друзья» и прочти монолог Варвары. «...Бывало, окружат немцы с полицией, а я варю борщ для хлопцев. В одной руке большая ложка, а в другой — граната. Вокруг ад, а я на посту. Стою и еще пою «Ой, туманы мои, растуманы». Ох, как за это любили меня в нашем отряде!»

Как говорят, комментарии излишни, правда?

23 июня 1968 года
Плоты

Сегодня у нас праздник! После завтрака пошли прогуляться не на луг, как всегда, а в лес. А. Е. все время был задумчив. Я чувствовала, что он что-то «вынашивает» и ждала, когда он расскажет. И я не ошиблась. А. Е. обратился ко мне: «Слушай меня внимательно. У меня появился замысел пьесы. Действие происходит в наши дни в Киеве. К нашей землячке, которую зовут Катерина, приезжает француз. У него и у нее

в концентрационном лагере выжжены номера на руках. Была любовь. Возвратившись из лагеря, Катерина родила сына. Ни отец, ни сын ничего друг о друге не знают. Катерина пронесла свою любовь и свою тайну через всю жизнь».

Господи, если бы он мог написать эту пьесу, чтобы никто и ничто не помешало этому!..

Сентябрь 1968 года

Нас пригласил к себе Юрий Гуляев. В Киев приехала А. Пахмутова, песни которой Юра часто исполняет первым. Он предупредил нас, что на вечер будет много актеров.

Как раз тогда А. Е. работал над статьей для журнала «Советская женщина». Должна тебе сказать, что он очень не любит такую работу.

Не любит он также писать письма. Отвечает на письма очень кратко, четко. Это в основном депутатская корреспонденция. Он посвящает ей много времени. Очень редко отвечает на письма друзей, а когда и отвечает, так в них нет дискуссий, философских раздумий, не касающихся конкретной темы письма.

У А. Е. всегда мало свободного времени. Не ведет дневник. Я ему сказала как-то, что он не думает о будущих критиках-театроведах, а он ответил, смеясь, что не хочется походить на некоторых литераторов, которые переписываются, живя в одном доме. И не потому, что предпочитают эпистолярный жанр в своей дружбе, а потому, дескать, что заботятся об истории.

Октябрь 1968 года

Как же мне не повезло! А. Е. решил поехать на свою родину, в Христиновку. Я радовалась, что поеду вместе с ним, и много ждала от этой поездки, но... За день до поездки я заболела — грипп в тяжелой форме, с высокой температурой. Ты можешь себе представить, как мне было больно распрощаться с поездкой, о которой я столько мечтала!.. А. Е. не мог уже отказаться от поездки, и я осталась дома.

А. Е. был в Христиновке один день. Возвратился со встречи с юношью счастливым...

Привез христиновские «трофеи». Комсомольцы подарили ему фотографию членов комсомольской организации 20-х годов. Среди небольшой группы (тогда так мала была комсомольская организация, — объяснил А. Е.) сидит А. Е., совсем мальчик, а выше — его брат Иосиф. Фотографию он повесил в своем кабинете рядом с фотографией, на которой Тычина, А. Е., Бажан, Рыльский и Малышко (она у нас называется

«могучая кучка»), на другой — Немирович-Данченко вручает А. Е. Государственную премию.

Второй подарок еще более оригинален. Его вручили работники краеведческого музея. «Чтобы не забывали, откуда вы родом», — сказали они. Это фотокопия страницы из метрической церковной книги о рождении за 1905 год по селу Христиновка: «Крестили Александра июня 29. Родители: крестьянин Евдоким Митрофанович Корнейчук и законная его жена Мелания Федосеевна. Оба православного вероисповедания. Кумовья: казак Игнатий Нестерович Грановский и Елена Платоновна — крестьянка, Мефодия Кульчицкого жена. Священник Исидор с псаломщиком Иулианом Омельяновским».

*22 ноября 1968 года
Москва*

Боже, боже, какое это счастье быть рядом с А. Е., повседневно жить его жизнью и как иногда бывает тяжело...

Приехали в Москву на консультацию (в который раз) к профессору Касирскому. Анализы крови очень неутешительные — количество лейкоцитов увеличивается... Врачи говорят о суровом режиме, а что делает он?

Пошли вчера на спектакль в театр «Ромэн». Артисты узнали, что в зале Корнейчук, попросили директора театра привести его в конце спектакля за кулисы. Кончилась беседа тем, что добрая половина артистов, занятых в спектакле «Я — цыган», была у нас в номере 902. Пока я хлопотала, как их рассадить и чем угостить, они вместе с А. Е. сели на пол, на ковер. Артисты стали просить А. Е. написать для их театра пьесу. Он согласился и тут же начал импровизировать...

Я слушала А. Е., видела, с каким вдохновением он импровизирует, и радовалась вместе с ним. Снова и снова я поражаюсь его душевной щедрости, его светлому таланту человека и драматурга. И между тем, мне было обидно: ведь не написано еще и строчки из той пьесы, замысел которой он рассказал мне на даче в Плютах.

Артисты театра «Ромэн» много и очень красиво пели. Даже дежурные по гостинице не напоямали, что уже далеко за полночь, а заходили и тоже слушали то веселые, то грустные песни цыган...

Разошлись под утро. Вот тебе и весь «режим» дорогого Саши.

*29 ноября 1968 года
Москва*

Успех! Радость! Скандировала вместе со зрителями: «Браво, Корнейчук! Браво, «Платон»! Состоялся общественный просмотр «Платона Кречета» на сцене Театра «На Малой Бронной». Постановщик А. Эфрос. Помнишь, я писала тебе о его приезде в Киев?

День начался не просто. Утром нам позвонил директор театра Михаил Петрович Зайцев и сказал, что согласно распоряжению в зале будут только ответственные работники Министерства культуры СССР и РСФСР, потому что у А. Эфроса, дескать, репутация «скандального» режиссера. А это означало, что зал будет почти пуст... А. Е. прекрасно представлял, как это усложняет обстановку, увеличивает нервное напряжение актеров и режиссера. Поэтому он и взял «огонь на себя» — зал был полон, спектакль приняли превосходно.

Началось обсуждение в кабинете директора. Вижу взволнованное лицо А. Эфроса и счастливое, улыбающееся лицо А. Е. Не дожидаясь других выступлений, он заявил, что спектакль он принимает без единого замечания, а потом вытащил А. Эфроса из его «укрытия» (потому что тот сидел почти за шкафом) и поздравил с успехом.

А вечером была премьера. Успех огромный.
Счастливые, едем в Kislovodsk.

*27 декабря 1968 года
Kislovodsk*

Уже почти месяц, как мы в санатории «Красные камни». Завтра уезжаем в Киев. У нас появились новые друзья — Георгий Арбатов, Спартак Беглов и Валентин Зорин. Они все — международники. Ты их, наверное, часто видела по телевидению. Они тут также с женами. Как видишь, компания хорошая, правда? У нас бывают очень интересные беседы во время прогулок, а чаще — смеемся до слез. Собрались люди, которым нужно отдохнуть, поэтому юмор в нашей компании на первом месте.

Отдыхалось нам хорошо, и люди рядом с нами были чудесные, но А. Е. порой был очень расстроен. Иногда садился за письменный стол, что-то писал, а потом с гневом рвал все в клочья. Однажды на мой вопросительный взгляд сказал: «Не хотят они говорить со мной». Он имел в виду персонажей пьесы.

16 января 1969 года

Пишу тебе, что называется, стоя на одной ноге. Собираемся в Запорожье смотреть «Банкир» в театре им. Щорса. Нужно все упаковать, ничего не забыть, чтобы не получилось так, как вышло в Париже. Расскажу тебе эту историю, хотя времени у меня мало.

Собирались в Париж заблаговременно. Я упаковала чемоданы. В один из них положила пиджаки А. Е., а брюки решила положить перед самым выходом из дома. Самая помощница Анна Григорьевна посмотрела, что чемоданы упакованы, взяла брюки и повесила в шкаф. Короче говоря, приехали в Париж в гостиницу, а нас уже ждут и сообща-

ют, что французские сторонники мира устроили прием в честь А. Е. Через полчаса мы должны быть там.

Раскрываем чемоданы и — о, ужас! Ни одной пары брюк... У меня онемели ноги, задрожали руки, и я почувствовала, что бледнею. В минуту сообразила, в каком безвыходном положении оказался А. Е. ...Я села, ожидая справедливого «разноса» от А. Е. Он сначала тоже растерялся, ведь на нем были повседневные брюки, которые он надел в дорогу. Они не подходили ни к одному пиджаку.

Но через минуту выход был найден. Опять проявились его блестящие импровизационные способности. Я все еще была полужива, а он уже излагал свой режиссерский замысел. «Давай мне шикарный галстук и пиджак. Как только войдем в зал, найди стул и незаметно подставь его мне так, чтобы я мог стоять все время за ним». Так я и сделала.

Смешная история! Но благодаря ей еще раз убедилась в необычайных чертах характера А. Е. Он опять проявил себя рыцарем. Ведь я была виновата, я недосмотрела — и ни одного нарекания с его стороны. Поездка в Париж не была испорчена для меня. И никогда А. Е. не вспоминал об этом всерьез. Только когда я упрекаю его в чем-нибудь (особенно это касается соблюдения режима), он шутит: «А кто забыл брюки?»

8 апреля 1969 года
Плюты

Я страшно устала, но не менее счастлива.

А. Е. закончил свою новую пьесу!!!

Сейчас она пока без названия. Писал очень быстро. Он работал на первом этаже, а я на втором, в нашей спальне, перепечатывала. Бывало, беру у него листок с текстом, чтобы печатать, а там так написано, что я еле-еле могу разобрать, иногда даже написано полслова. Я спрашиваю у А. Е., почему это, а он смотрит на меня с абсолютно детским выражением и говорит: «Они (я понимаю, это он говорит о действующих лицах) очень быстро говорят, и я не успеваю за ними записывать». «Они» уже для него не выдуманные, а реальные люди, которые живут вместе с ним. Правильнее — он сейчас живет их жизнью. Я тебе расскажу, насколько его выдуманные герои стали для него своими, близкими людьми, абсолютно реальными. Несколько дней тому назад, когда он заканчивал работу над финалом, произошел такой случай. Мне показалось (я была на втором этаже), что А. Е. с кем-то громко разговаривает. Через некоторое время слышу — плачет. Побежала к нему, а он сквозь слезы говорит: «Пат умер, пришла телеграмма...»

Когда-то я читала, что Горький, работая над «Егором Булычевым», потерял сознание, он ощутил боль печени своего героя. Теперь я собственными глазами увидела, как автор страдает со своим героем...

Во время работы А. Е. должен был поехать в Киев на пленум ЦК КПУ. Он был вынужден на полдня отложить работу над пьесой. Но глубокая внутренняя связь с персонажами не прекращалась. Когда мы возвращались из Киева в Плюты, А. Е. спросил меня, есть ли у меня с собой блокнот, и тут же начал диктовать: «I-я картина. До звонка Антона. Приходит мужчина, член партии, к Катерине. Он возмущен тем, что не удовлетворили его просьбу. Монолог Катерины о партийной чести. Звонок Антона. Разговор с мамой».

Спустя какое-то время опять диктует: «Капитан — о жадности родственников. Хотели сделать из него «толкача». После монолога о его жизни перейти к серьезному разговору!»

А. Е. начал писать пьесу 18 марта, а закончил 5 апреля. Мы подсчитали, что пьеса написана за семнадцать дней. Это только для тебя. А. Е. говорит, что этого не нужно знать посторонним людям. Они никогда не поймут, что за 17 дней пьеса была только написана, а работа над ней продолжалась больше двух лет. Благодаря этой внутренней напряженной каждодневной работе и стали возможны 17 дней...

*15 июня 1969 года
Москва*

А. Е. в больнице. Я пришла от него в гостиницу, идти куда не хочется, видеть тоже не хочу никого. Поплачусь тебе, может, легче станет на душе.

В конце мая приехали в Москву на Декаду украинской литературы и искусства в РСФСР. Разослали наших писателей в разные города. А. Е. был в группе литераторов, посетивших Михайловское — музей А. С. Пушкина, Ясную Поляну — усадьбу Л. Н. Толстого, Ленинград. В Михайловском А. Е. выступал у могилы Александра Сергеевича, и опять пригодился мой блокнот. А. Е. не писал свою речь, а я уже по опыту знаю, что к нему обязательно обратятся корреспонденты украинских газет, им нужен будет текст выступления А. Е. Чтоб облегчить работу А. Е., записала его выступление в свой блокнот. Перепишу его и для тебя и снова услышу голос А. Е.:

«Как человек не может жить без солнца и воды, так мы не представляем себе жизни без бессмертной Пушкинской поэзии, без неиссякаемого родника его слова, утоляющего вечную жажду человеческой души. Он протянул руку всем народам и племенам России. И каждому из них он сказал доброе слово. Он воспел чарующую нашу украинскую природу и приоткрыл сердце и душу могучего, нестигаемого украинского народа...»

Я видела, как волновался А. Е., когда ему предоставили слово.

У могилы Л. Н. Толстого, когда А. Е. говорил, он сильно побледнел, у него дрожали губы. Мне было уже не до записи в блокнот.

В Ясной Поляне А. Е. почувствовал себя плохо, но еще держался. А когда в Ленинграде его пригласили выступить на Балтийском заводе, и там рабочие вспомнили его «Правду», подарили ему рабочую каску, записали его в почетные рабочие завода, он очень переволновался и целый вечер лежал в постели.

Возвратились из Ленинграда в Москву, и А. Е. опять пригласили встретиться с работниками аппарата ЦК комсомола. Как я просила его отказаться!.. Но разве он сможет? Во время выступления смотрю на него из зала, а он делает паузу длиннее, чем надо, и сжимает двумя руками стоящий микрофон. И вот теперь А. Е. лежит в больнице с небольшим (слава богу, небольшим) инсультом. Как уберечь его?..

Июль 1969 года

Знаешь, как называется пьеса? «Память сердца»!

Из Москвы приезжал Е. Р. Симонов с директором Вахтанговского театра О. К. Ивановым. А. Е. читал им пьесу, которая условно называлась «В Киеве на Русановке»... Это первая строчка ремарки первой картины. Пьеса Евгению Рубеновичу и Олегу Константиновичу очень понравилась. После обеда Е. Р. Симонов сел за рояль и сыграл, конечно, «Калитку», так любимую А. Е., потом «Я встретил вас», а дальше романс Глинки на слова Батюшкова «Память сердца». Он начинается такими словами: «О память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной!», и Евгений Рубенович предложил назвать пьесу «Память сердца». Всем нам понравилось название, так как оно действительно отвечает содержанию пьесы.

С пьесой в портфеле наши гости-москвичи уехали, а через три дня — звонок Е. Р. Симонова из Москвы. Он попросил А. Е. приехать и прочесть пьесу коллективу театра им. Вахтангова. На этот раз А. Е. послушался врачей и остался в Плютах, а меня отправил в Москву как своего «полноправного представителя».

Скажу тебе, дорогая, что пьеса удалась на славу! Ее блестяще приняли вахтанговцы. До читки «Памяти сердца» они уже работали над двумя пьесами, а во время обсуждения «Памяти сердца» встал вопрос о том, чтобы отложить на некоторое время работу над этими пьесами и направить все силы на «Память сердца». Как видишь, сам факт говорит за себя, правда?

По дороге в аэропорт шла речь опять о пьесе. Я рассказала им об одной сцене, которую А. Е. почему-то не включил в окончательный вариант пьесы. Он когда-то рассказывал этот эпизод. Ночь в доме Катерины. Антонио поет.

Евгений Рубенович попросил передать А. Е., чтобы он обязательно дописал «ночную сцену». А. Е. с удовольствием сел за стол, и из сцены

вышла целая картина: «Ночь в квартире Катерины перед отъездом Антонио». В пьесе сейчас это пятая картина.

Слухи о новой пьесе Корнейчука уже разлетелись, и многие режиссеры приезжали просить для постановки в театре «Память сердца».

А. Е. чувствует себя именинником.

*Август 1969 года
Плюты*

Вчера позвонили из Союза писателей, что в Киев приехал из Швеции известный писатель Артур Лундквист с женой Марией Винье, тоже писательницей. Гости изъявили желание встретиться с Корнейчуком. Сегодня они были у нас на даче в Плютах. С ними приехали и давние болгарские друзья А. Е. — Георгий Джагаров и Георгий Караславов. Мы пригласили и Загребельного с женой. Они тоже отдыхают в Плютах.

Благодаря умению А. Е. вести беседу за столом, была абсолютно непринужденная обстановка, много смеялись.

Где-то под конец встречи Лундквист сказал, что им советуют побывать в Крыму. Стоит ли? — спросил он у А. Е.

«Нашу Украину природа наградила богатой и разнообразной красотой, но Крым — одна из самых больших жемчужин в короне нашей республики, — сказал А. Е. — Там, в Крыму, солнечная энергия превращается в ароматные цветы, в золотые гроздья винограда. Вы увидите волшебный, неповторимый восход солнца... Увидите тех, кто прекрасно умеет выращивать виноград, тех, кто умеет делать знаменитые крымские вина. Они обязательно угостят вас этими чудными винами», — продолжал А. Е.

Прощаясь, Лундквист сказал (через переводчика, конечно), что он знал Корнейчука-драматурга, ощущал его талант, а сейчас он в восторге от Корнейчука-рассказчика, Корнейчука — гостеприимного хозяина.

*6 сентября 1969 года
Каролино-Бугаз*

Как чудесно отдыхать в таком уютном уголке, как «Золотые пески»! Но не думай, что это в Болгарии, нет. Там шум, гам-тарарам, а это «Золотые пески» Каролино-Бугазские, недалеко от Одессы. Мы решили продлить лето (тут еще можно купаться), а самое главное — А. Е. сейчас нужна тишина, покой, сухой воздух. Все это тут есть. Вечерами много гуляем по берегу моря, а потом допоздна сидим на веранде. И идет у нас разговор, такой же тихий, спокойный, как этот ласковый морской прибой.

Если бы ты слышала, как рассказывает А. Е.!.. Иногда мне очень

жаль, что кроме меня никто не слышит этих рассказов — замыслов, его мечтаний. А знаешь, о чем еще он часто говорит? — «Написать бы пьесу, где был бы герой, который увлек бы сердца, мысли молодых людей, как когда-то маркиз Поза — герой шиллеровской трагедии «Дон Карлос».

Мечты, мечты... А времени для творчества у него так мало. Когда я говорю об этом, А. Е. шутит: «Вот заведу, как Дюма-старший, целый штат помощников, чтобы записывали. Сам буду сочинять сюжеты и «рукой мастера» шлифовать».

*20 сентября 1969 года
Каролино-Бугаз*

Вчера была плохая погода, ветер, моросил дождь, и мы почти весь день просидели на веранде. Я благословляю этот ненастный день. Такая погода располагает к воспоминаниям. А. Е. вспомнил, что в Одессе писал «Платона Кречета». Рассказал, как ходил в больницу, чтобы изучить работу хирурга, как однажды ночью на одном дыхании без поправок написал монолог Христины Архиповны...

Я сказала, что в моей жизни Одесса тоже была — тут прошло мое детство, и я вспомнила один случай из своей жизни. Я пошла в первый класс. Мой отец тогда учился в институте инженеров водного транспорта. Жилось нам нелегко: двое детей, отец-студент. Общежитие института, где мы жили, помещалось в большом четырехэтажном здании. Семейные студенты жили в подвале. Что же это был за подвал? Огромный коридор с цементным полом, куполообразным потолком, где висели тускло мерцающие лампочки. И бесконечное число комнат-клетушек. В этом коридоре под гул примусов мы устраивали игры. В моем классе большинство детей были из зажиточных семей нэпманов. Они часто приглашали меня к себе готовить уроки (училась я хорошо), а потом оставляли обедать вместе с детьми. У их детей был плохой аппетит, а мне приходилось голодать, так что я подавала пример, как следует есть (так говорили их мамы). Когда в школе переписывали адреса, я сказала, что живу не в общежитии, а в красивом двухэтажном особняке, красовавшемся рядом с нашим домом.

Где-то в конце третьей четверти во втором классе учительница дала нам задание: нарисовать план комнаты, изобразить мебель, которая там стоит. Пришла я домой, взяла у отца хороший лист бумаги, которую он использовал для черчения. И пошла «гулять» по этому листу моя фантазия. Тут были шкафы, диваны, кресла (я все это видела в квартирах моих зажиточных одноклассниц). Принесла свою работу в школу. Учительница отметила ее как лучшую и повесила на доску. Все шло превосходно, но через несколько дней я заболела, и учительница вместе с учениками решила навестить меня. Зашли они, конечно, в особняк, а там их направили в студенческое общежитие. Вот они спускаются к нам в под-

вал, заходят в нашу комнату и видят: две кровати, маленький столик у окна, два стула, две табуретки. Вместо шкафа вбитые в стенку гвозди, на которых висит одежда...

Пришла я в школу после болезни, а надо мной все смеются, показывают на мой рисунок. Я горько плакала, а когда учительница пришла в класс и узнала, в чем дело, она объяснила детям, что это моя мечта, что уметь мечтать надо обязательно. Она рассказала нам о Жюле Верне, о его мечтах, но чтобы мечты осуществлялись, нужно хорошо учиться, много работать. «Я уверена, — сказала учительница, — что у тебя будет такая красивая комната». Я была полностью реабилитирована. Класс смотрел на меня, как на будущего Жюля Верна, Грина...

Потом А. Е. начал рассказывать о своем детстве. Сколько ему пришлось выстрадать! Когда умер отец А. Е. и маме было очень тяжело с детьми (их было четверо), она старшего сына Сашу отвезла в село к богатому родственнику. Как издевался он над Сашей!.. Не вынес такой жизни Саша и удрал в Христиновку к маме. Посмотрела на него мама и горько заплакала: ноги в цыпках, искалечены, в ранах, худой такой, что только одни глаза видны на лице, голова в колтунах...

После таких грустных воспоминаний А. Е. не мог не перейти на веселый рассказ о том, как он был помощником печника. Если заказчик хорошо их кормил и должен был хорошо рассчитаться за их работу, то мастер говорил: «Саша, работаем под песню «Эх вы, сани, мои сани», — значит быстро, а когда заказчик был скупой, долго торговался о цене, они работали под песню «Разлука, ты, разлука, чужая сторона» — медленно.

Рассказывал еще, как с раннего детства любил рыбачить. В Христиновке не было места, где можно было бы ловить рыбу, и маленький Саша с самодельной удочкой идет на рассвете за несколько километров в деревню, где есть озера с развесистыми вербами, камышом, пением птиц... До работы можно посидеть среди такой красоты. «Вот с тех пор, — говорит А. Е., — вода и природа вошли в мою душу. Море — это прекрасно, но наши тихие реки мне лично ничто заменить не могут...»

Вспомнил, как в 1924 году, уже будучи студентом рабфака Киевского института народного образования (КИНО), приехал на каникулы в Христиновку, райком комсомола включил его в агитбригаду. «Моим заданием было, — говорит А. Е., — выступать с речами. И знаешь, где? На базарах. Становился на телегу и очень громко рассказывал о международном положении, о событиях внутри нашей страны. Собиралось много людей, чтобы выслушать меня, ведь я приехал из самого Киева!..»

Разговор перешел на написание А. Е. пьесы. Тогда он сказал: «Если захотят проследить, чем жили люди нашей страны, пусть читают мои пьесы...»

Октябрь 1969 года

А. Е., скульптор В. З. Бородай и я гуляли в парке, где стоит скульптура Леси Украинки (работа Василия Захаровича). А. Е. уговаривал Бородаю, чтобы тот подключил его студентов для создания скульптурных памятников нашим украинским классикам литературы и искусства.

«Расставим их вот на этих аллеях. Деньги для такого доброго дела я дам,— говорил А. Е.,— студентам будет дотация к стипендии, и сделаем великое дело для украинской культуры. Я видел такое чудо в Будапештском парке. У нас, слава богу, тоже есть чем гордиться». Василий Захарович согласился превратить мечту А. Е. в жизнь.

Я не перестаю удивляться душевной щедрости А. Е. Делать добро — это потребность его души.

29 декабря 1969 года

Вчера А. Е. (и я, конечно) были на встрече со студентами театрального института. После недолгой беседы студенты попросили А. Е. прочитать им «Память сердца». А. Е. не взял с собой пьесу, но на этой встрече был Д. А. Алексидзе. Он поставил эту пьесу в театре им. Ив. Франко. Пьеса была у него в папке. Это выручило автора.

А. Е. почитал пьесу с таким вдохновением, как никому никогда не читал.

После читки студенты горячо обсуждали пьесу. Очень интересный и долгий диалог завязался между автором и слушателями. В конце беседы А. Е. сказал: «Встреча с вами — для меня праздник. Если меня принимает и понимает молодежь, значит, я прав. Я навсегда запомню этот вечер».

А сегодня после завтрака говорит: «Садись за машинку. Я буду диктовать». И начал:

Ректору Киевского театрального института
им. Карпенко-Карого
тов. Корниенко И. С.

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Прошу Вас открыть три стипендии для студентов драматического факультета (две для актерского и одну для режиссеров) размером каждая пятьдесят руб. в месяц за мой счет.

В феврале 1970 года я смогу переслать на счет института полную сумму за три года.

Буду очень рад, если получу от Вас положительный ответ.

Прошу принять мои самые лучшие пожелания.

Ваш А. Корнейчук
29 декабря 1969 года

29 декабря 1969 года

...Радость и горе переплетаются у нас последнее время так тесно, что трудно сказать, чего больше. Количество лейкоцитов в крови у А. Е. все увеличивается. И врачи бессильны. Одна надежда на его внутреннюю силу, оптимизм, любовь к жизни...

16 февраля 1970 года
Москва

Окончился Пленум ЦК КПСС. У А. Е. оказался свободный вечер, и мы решили пригласить к себе в номер друзей. А. Е. позвонил Евгению Рубеновичу Симонову и Георгию Ивановичу Суликошвили — режиссеру Сухумского театра. Он живет в этой же гостинице. Мы с ним как-то встретились в вестибюле.

О чем могут говорить драматург и два режиссера? Конечно, о театре, пьесах, спектаклях... Я хлопотала около стола и не слышала, с чего начался разговор о «Фронте». Обратила внимание, когда А. Е. сказал: «Никто мне никакого задания не давал. Я был на фронте, все видел своими глазами и не мог молчать. Это был мой, я не боюсь этих слов, долг коммуниста. Когда в моей душе созрела пьеса, я попросил командование отпустить меня с фронта. Дали мне отпуск на один месяц. За этот месяц я написал «Фронт». Не знаю, смог ли бы я в мирной обстановке написать такую пьесу за столь короткое время... Когда пьеса была уже написана, о ней узнал Сталин и вызвал меня в Москву. Прилетаю и думаю, что буду иметь два-три свободных дня для встречи с друзьями, пока вызовет меня к себе Сталин. Но ошибся. Меня вызвали к Сталину в тот же день. Взял я свою рукопись и пошел в Кремль. Но перед тем, как идти к Сталину, я на маленьком листочке из блокнота написал тезисы речи в защиту моей пьесы. Заметки эти я до сих пор сохраняю как реликвию. Я шел с тем, что могу больше не возвратиться, но молчать не мог. И скажу вам, если бы Сталин был тогда таким, как в последние годы, то, конечно, я бы не возвратился. И сейчас бы вспоминали, что был когда-то такой драматург!..»

Настала большая пауза, но никто из нас не нарушил ее. Все понимали волнение А. Е. Потом А. Е. продолжал:

«Сталин спросил, где пьеса. Я сказал, что она со мной, но не перепечатана. А почерк у меня плохой. Я должен диктовать машинистке».

«Ничего, — сказал Сталин, — наши машинистки разберут. Оставьте пьесу».

На следующий день меня снова вызвал Сталин и сказал, что пьеса ему очень понравилась. Но он считает, что сцену «Суд над Огневым» (тогда она была в рукописи) нужно выбросить.

Я ответил, что это же кульминация пьесы и сделать ничего нельзя. «Надо, дорогой товарищ Корнейчук, надо, — настаивал Сталин».

Еще посоветовал Сталин переменить фамилию одного из бойцов — грузина. Обосновал это тем, что фамилия, придуманная мной, не характерна для Кахетии. И Сталин сам дал ему фамилию — Гамелаури.

Много раз я встречался со Сталиным во время работы над «Фронтом». А потом при последней встрече он сказал:

«Надо некоторое время побыть в Москве, а то шальная пуля может «случайно» на фронте зацепить вас».

И как он был прав... Однажды приходит в гостиницу, где я жил, полковник и передает мне пакет от Сталина. Разворачиваю, читаю: «Москва, Кремль. Сталину. Драматурга «Фронта» расстрелять. А того, кто разрешил печатать в «Правде», судить военным трибуналом.

Маршал...»

Дальше читаю записку от Сталина. «Прочитайте мой ответ». Читаю:

«Маршалу... Изучайте «Фронт» — воевать лучше будете.

И. Сталин».

«Вы знаете, что была написана большая редакционная статья в «Правде». «О пьесе А. Корнейчука «Фронт». Только сейчас я узнал, что ее писал Сталин».

Дальше уже мы начали вспоминать свои истории, связанные с пьесой «Фронт».

Март 1970 года

Сегодня выдался на удивление спокойный день.

А. Е. сидит в своем кабинете, обложился книгами. С каким наслаждением он увлекся чтением.

В последнее время вышло много новых книг наших украинских прозаиков, а у А. Е. не было времени прочитать их. Должна тебе сказать, что он внимательно следит за новинками литературы. Часто заходит в книжный магазин «Сяйво» и покупает «свежие» издания.

Читает А. Е. очень внимательно. Почти всегда с карандашом. На полях страниц прочитанной им книги всегда остаются его пометки: то восклицательный знак, то вопросительный, то какая-то только ему понятная закорючка.

Ты обратила внимание, что на книжной полке в кабинете А. Е. очень много энциклопедий? Действительно, и литературная, и театральная, и дипломатическая, и «Большая Советская», и «Британика». Когда А. Е. устает, для него лучший отдых — чтение какой-нибудь из энциклопедий. Не бывает дня, чтобы он не взял в руки одну из них. Наткнувшись на какую-то особенно интересную справку, он тут же вслух читает ее мне.

И как всегда, снова и снова перечитывает Ибсена. Это один из самых любимых его драматургов.

Сентябрь 1970 года

Ох, и поработала я сегодня! Упаковывала энциклопедию «Британика» для отправки в Белоруссию. А. Е. узнал из прессы, что там собираются выпускать свою энциклопедию. Он написал, что намерен подарить издательству полный комплект энциклопедии «Британика».

У А. Е. было три комплекта этой энциклопедии. Один он уже подарил грузинам, другой пойдет к белорусам, а третий остается дома.

Откуда они у него? — спросишь ты.

Еще в 1962 году А. Е. ездил в США, где проходил Всемирный конгресс «За всеобщее разоружение и мир», и там познакомился с Вильямом Бентоном, издателем этой энциклопедии. Потом судьба не раз сводила их в нашей стране и за рубежом. В знак своего расположения к А. Е. Бентон за эти годы прислал ему три комплекта энциклопедии, а А. Е., конечно, не мог не поделиться таким сокровищем со своими братьями — грузинами и белорусами.

*Ноябрь 1970 года
Тбилиси*

Я очень взволнована, а потому извини меня заранее, если письмо получится сумбурным.

То, что было сегодня, я уверена, бывает в жизни драматурга очень редко.

Грузинский театр им. К. Марджанишвили начал работу над «Памятью сердца». Дирекция театра пригласила А. Е. на встречу с артистами. Когда мы в одиннадцать часов вошли в театр, то сразу почувствовали: произойдет что-то необыкновенное. Нас встретили Д. А. Алексидзе и директор театра и повели в репетиционный зал на второй этаж. Как только открыли дверь, послышались волшебные звуки. Вся мужская часть труппы театра стояла на ступеньках; они пели прекрасный грузинский хорал в честь гостя. Молодые актрисы держали гирлянды цветов и бросали цветы к ногам драматурга.

Конечно, весь этот прекрасный, волнующий «спектакль» был срежиссирован нашим дорогим Додо (так ласково называют в Грузии Алексидзе).

А. Е. не ожидал такой встречи, она взволновала его до слез. Когда его попросили сказать несколько слов для телевидения, он от спазм в горле, от волнения, долго молчал...

Актеры попросили А. Е. прочитать первое действие пьесы на украинском языке, а переводчик «Памяти сердца», известный грузинский писатель Григол Абашидзе, прочитал то же самое на грузинском языке.

На встрече были критик Бесо Жгенти, поэт Ираклий Абашидзе, другие литераторы. Потом Григол Абашидзе пригласил нас всех к себе на обед. Провозглашалось много тостов в честь гостя.

Это было вчера, а сегодня А. Е., Д. А. Алексидзе, Анзор Кутаташвили и я ходили проводить известного грузинского актера Акакия Хораву.

Я видела этого чудесного актера в 1960 году, когда Тбилисский театр им. Ш. Руставели приезжал на гастроли в Киев.

Мы шли на встречу с любимцем грузинской сцены и вспоминали Хораву в ролях Платона, Отелло, Георгия Саакадзе, царя Эдипа... Он остался в памяти человеком необычайной красоты, темперамента, голоса.

И вот перед нами лежал совсем не тот Хорава, который жил в нашем воображении. Мы смотрели на него и почти не узнавали — смерть уже наложила на этого великана свою жестокую печать...

Увидев А. Е., он протянул к нему руки, и две слезы выкатились из его прекрасных глаз. Нас всех душили слезы. Настала тишина. Возмущенный А. Е. стал перед постелью Хоравы на колени, взял его руки и нежно поцеловал их.

«Прими, дорогой Акакий — великий артист — неизменную любовь и благодарность старого драматурга», — сказал А. Е.

Вечером в гостиницу принесли письмо от Хоравы. Вот что он писал:

«Дорогой и незабвенный друг Сашко!

От души хочу поблагодарить тебя за то большое внимание, что оказал мне, посетив мой дом. Очень рад, что не забыл меня, и горжусь твоим отношением ко мне. Я многим тебе обязан: на твоих сценических образах я рос. Твое теплое и дружеское сердце всегда грело меня. Никакое время, никакие обстоятельства не смогут охладить мою любовь и уважение к тебе. Желаю в твоей высокоталантливой работе и в выдающейся государственной и общественной деятельности плодотворного успеха.

От души обнимаю и целую

Твой Акакий Хорава».

Теперь прощай, Грузия, до премьеры «Памяти сердца». Если, конечно, у А. Е. не будет поездки куда-нибудь. А так хотелось бы приехать сюда на этот праздник...

9 декабря 1971 года

Как тяжело на душе...

Смотрю на А. Е., как он похудел, как страдает от болей в ногах, как он кашляет, как меняется его лицо, когда потревожит неосто-

рожным движением позвоночник, и сердце сжимается от жалости к нему. Иногда хочется кричать от отчаяния, а приходится делать вид, что все в порядке...

Ездили в Москву на консилиум. Снова осматривали его Блохин и Лопаткин. Приговор — страшнее не бывает — «метастазы»... А. Е. успокаивали «радикулитом». С тем и живем. Я со страшным приговором ему, а он... откуда только берет силы для борьбы со страшной болезнью? Откуда берет силы даже для встречи с людьми? Как-то на днях позвонили из ЦК Компартии Украины с просьбой принять работника Института КП Болгарии Белоусова.

Скоро в Болгарии будут праздновать 90-летие со дня рождения Дмитрова. В Институте КП Болгарии находятся его дневники с записями встреч и бесед с А. Е.

А. Е., конечно, согласился на эту встречу.

Когда болгарин зашел к нам в прихожую, я попросила иметь в виду состояние здоровья А. Е. и быть у него не больше 30—40 минут. То же самое сказала и А. Е. Он согласился со мной.

К сожалению, я не смогла присутствовать при их разговоре. Еще раз напомнила о времени и ушла.

Возвращаюсь через два часа, а беседа идет...

Декабрь 1974 года

Спасибо тебе, родная моя, что все эти годы ты своими письмами поддерживала меня в моем безграничном горе, и никогда не упрекнула за мое молчание.

Я понимаю: время — лучший лекарь для человека в горе, что со временем острая боль души будет утихать, но я знаю и то, что она будет со мной всю мою жизнь...

Добрые мои друзья со всех уголков нашей страны, из-за границы разделяли мое горе, давали добрые советы. М. А. Шолохов в одном из писем писал мне: «...Тревога за ваше будущее понуждает меня как-то помочь вам. А ведь на том свете Сашко не простит мне равнодушия... Все это горькая шутка, но прошу вас — поменьше слез, побольше бодрости. Поверьте, эта штука (бодрость) вам еще ох как пригодится».

Добрый, мудрый Михаил Александрович — как он знает жизнь...

Много раз я брала в руки перо, чтобы рассказать тебе о последних днях жизни Александра Евдокимовича, но каждый раз лист бумаги оставался чистым — не хватало душевных сил писать об ушедшем дорогом, близком и родном человеке...

Но надо заставить себя преодолеть боль невозвратимой утраты и рассказать о том оптимизме, о том мужестве, которые не покидали

Александра Евдокимовича, когда он боролся с тяжелой болезнью. Ведь я была единственным свидетелем, который прошел с ним все больницы, ни на один день не оставляя его.

Болея Александр Евдокимович, как я тебе писала, с 1965 года, но его организм боролся с болезнью крови. А в 1971 году мы с Александром Евдокимовичем должны были поехать в Москву на консилиум. Академик Н. Н. Блохин, оставшись наедине со мной, подтвердил страшный диагноз и сказал, что болезнь прогрессирует и следует опасаться осложнений...

Врачи назначили курс лечения, и мы возвратились в Киев.

Полтора года Александр Евдокимович носил в себе страшную мину — рак, но никто этого не ощущал, никто этого не видел. Он много работал, ездил по нашей стране и за границу по делам мира.

Сейчас, когда прошло два года после смерти родного мне человека, я с болью вспоминаю пережитое в то время...

Помню его красивого, мудрого во время встреч с друзьями. Почти физически ощущаю ту чудесную атмосферу, которую он умел создавать.

Я смотрела на него, вслушивалась в то, о чем он так интересно рассказывал, наблюдала за его выразительным лицом и часто забывала о его болезни. Болезнь и Александр Евдокимович — это были несовместимые вещи. Он был прекрасным собеседником, импровизатором, мимо его глаз ничто не проходило незамеченным. В такие вечера я верила в его выздоровление. Невозможно было представить себе, что смерть живет рядом с этим жизнелюбивым человеком...

И все-таки в марте 1972 года Александр Евдокимович почувствовал себя плохо, похудел, появились боли...

Приговор консилиума горький — срочно положить Александра Евдокимовича в онкологический институт. Больному сказали, что его кладут в институт рентгенологии подлечить радикулит. Находясь в онкологическом институте, где болезнь полностью взяла власть над его организмом, Александр Евдокимович усилием воли старался сделать все, чтобы жизнь в нашей палате шла, как и у нас дома. Каждый день привозили почту — газеты, журналы, письма, телеграммы. Он не мог быть оторванным от жизни страны, народа, он привык всю жизнь быть в движении, в борьбе, всегда среди людей... Пишущая машинка тоже отправилась с нами в больницу. Прочитав письмо или телеграмму, Александр Евдокимович диктует мне ответ, я печатаю. Это придавало ему силы бороться с болезнью, придавало ему мужества, оптимизма. И только один раз я была свидетелем того, как мужество изменило ему, и он плакал... Но об этом позже.

Александр Евдокимович не мог жить без людей. Он интересовался жизнью больницы, больных, что лежали в соседних палатах, жизнью сестер, докторов. Не подымаясь с постели, он искал новых встреч с людьми, ведь это всегда было для него источником творчества.

Из дома привезли кофемолку и кофеварку.

«Давай, — сказал однажды шутя Александр Евдокимович, — откроем у нас в палате трактир «Кофе, чай — круглосуточно!» Я еще раз убедилась, ему необходимо общение с людьми. Начали по утрам забегать на чашечку кофе в наш «трактир» гости — врачи, сестры, нянечки. А потом за задумом Александра Евдокимовича началось ритуальное обошение тяжело больных соседних палат черным кофе.

В больнице Александр Евдокимович постоянно поддерживал связь с театрами.

Переписка велась с Комитетом защиты мира СССР, с театрами, избирателями, как будто не было болезни, не было института онкологии...

Со всеми подробностями, четко и выразительно, перед глазами стоит тот день, когда в Театре им. Ив. Франко (а этот театр Александр Евдокимович всегда называл родным домом) должен был состояться сотый спектакль «Память сердца», а на следующий день — сотый спектакль «Страница дневника». С самого утра Александр Евдокимович очень волновался... Этот день тянется без конца... Наконец стрелка часов приближается к половине восьмого. Александр Евдокимович просит меня пойти в вестибюль и позвонить в театр. Я звоню К. С. Смиану — в зале аншлаг... Подсчитываем время на первое действие, опять иду звонить. К. С. Смиан рассказывает, что первое действие прошло блестяще, что письмо он читал зрителям перед началом спектакля. Опять смотрим на часы — уже должен быть конец спектакля. Бегу к телефону. К. С. Смиан прикладывает трубку телефона к динамику, который транслирует спектакль, и я слышу, как зал скандирует: «Браво, Корнейчук! Слава Корнейчуку!» Вбегаю, переполненная счастьем, в палату и все рассказываю... И тут впервые за все время болезни мужество изменило ему, он заплакал... Это были горькие скупые слезы сильного человека, который терпит неимоверные физические страдания без единой слезы.

Первый и последний раз видела я его таким. Слезы душили меня, я вышла из палаты, а когда возвратилась, Александр Евдокимович лежал спокойно. «Извини меня. Это больше никогда не повторится», — сказал он.

Извини и ты меня — писать не могу. Видно, душа моя еще не окрепла...

Сейчас ночь. Спать не могу, лучше продолжу свой рассказ.

Он был полон новых творческих замыслов. Сколько интересных сюжетов будущих пьес выслушала я за это время!.. И вот однажды утром, когда после уколов ему стало легче, он рассказал мне сюжет новой сатирической комедии. «Эта пьеса должна быть моим вторым «Фронтом», — сказал он.

Он говорил с увлечением, рисовал в своем воображении образы, давал характеристики... Сатирическая комедия! Какую нужно было иметь волю, творческую энергию, какое желание победить болезнь, чтобы в ИНСТИТУТЕ ОНКОЛОГИИ МЕЧТАТЬ О КОМЕДИИ!

Знал ли Александр Евдокимович о своей болезни?

Думаю, что знал. Но когда все, и я в том числе, говорили ему про

«радикулит», он делал вид, что верит нам, но однажды зашел в нашу палату врач. Сначала шел обычный разговор, а потом я услышала такой диалог:

— Сколько у вас тут больных?

Врач называет цифру.

— А с чем лежит большинство?

— Да все такие, как вы...

— А как вы их лечите?

— Так же, как и вас. Облучаем...

Александр Евдокимович пристально смотрит на меня. Я прошу врача выйти из палаты. Все утро мы молчали, каждый думал свою горькую думу...

Больше о болезни до самой его кончины не было сказано между нами ни единого слова. Только однажды, когда мы уже были в Феофании, где я так остро ощущала, как с каждым днем болезнь все дальше уносит его от меня, он сказал, увидев непрошеную слезу на моей щеке: «Мы мужественно с тобой держимся. Давай так держаться до конца. Иди умойся». Он знал все...

В Феофанию мы приехали днем. Нас встретили теплое весеннее солнце и цветущий сад... После института онкологии, где мы были так долго в четырех стенах, Феофания показалась сказкой из фильмов Диснея. Александр Евдокимович уже не мог ходить, но не хотел, чтобы больные, гулявшие во дворе, видели его на носилках. Он вышел из машины, остановился и начал жадно дышать ароматом весеннего сада, а потом тихо сказал: «Ты помнишь, как пахнут луга весной?.. А гуси уже прилетели... Скорее бы в Плюты... Там я быстро выздоровею». Перед тем как войти в вестибюль, Александр Евдокимович оглянулся на цветущий сад, как бы прощаясь с ним...

Александр Евдокимович любил песню. Все, кто имел счастье общаться с ним, знали его любимые романсы «Я встретил вас», «Калитку». Он также любил народные украинские песни, любил современные. А как он умел слушать песню!.. В Феофании воскресенье... Тихо. Открыты окна, на столе веточка расцветшей яблони... В палате я и встречника Нина. Александр Евдокимович просит спеть. Мы по очереди вспоминаем песни, исполняем завяки Александра Евдокимовича. И вдруг Нина:

На твоему поли три тополи,
На моему поли три вербы,
На твоему поли три счастливых доли,
На моему поли три журбы...

Нина пела тихо, душевно, и я заплакала, за мной Нина, у Александра Евдокимовича на глазах тоже появились слезы. И тогда он, ослабевший после тяжелой ночи, с невероятной болью во всем теле, начал

с нами шутить и предложил «перейти ко второму отделению нашего концерта, шуточному. Первая песня «Ой у вышневному садочку»...»

В Феофанию к Александру Евдокимовичу из Москвы приехал его любимый племянник Виктор Корнейчук. Я его встретила в коридоре и предупредила, чтобы Виктор держался так, как будто ничего не произошло, — ведь Александр Евдокимович очень изменился. Через некоторое время у нас в палате было уже весело. Александр Евдокимович, хотя ему и было тяжело говорить, что-то рассказывал. И так было всегда. Часто врачи или друзья, которые его проводывали, говорили мне: «Мы со страхом шли в палату, там лежит человек в очень тяжелом состоянии, нам надо будет что-то говорить, а что сказать?.. А вышло все наоборот — он всех нас развлекал, он поддерживал нас». И это действительно было так.

Посетил Александра Евдокимовича его друг, известный московский театральный критик Н. А. Абалкин. Он пришел вместе с женой и журналистом Ю. Н. Ягничем. Александр Евдокимович, как всегда, взял инициативу в свои руки, и пошла чудесная беседа о театре, о творческих планах, о репертуаре...

Театр! До последнего дыхания он был предан ему, до последнего дыхания мысли его были с театром... Как-то во время очередного медицинского осмотра — это было за два дня до его кончины — Александр Евдокимович рассказал врачам, как надо любить театр. Вот эта история.

В Киев на гастроли приехала труппа П. Саксаганского. Сборы были плохие. Тогда большой поклонник украинского театра, знаменитый профессор, терапевт Пивавонский попросил П. Саксаганского напечатать в афишах театра, что в кассе продает билеты он, известный профессор. Люди шли в кассу просить профессора принять больного, так как на прием к Пивавонскому попасть было очень трудно, и покупали билеты в театр.

Истории, истории... Ночные разговоры... Сколько их было! Но об этом в другой раз, а сейчас о мужестве, о воле дорогого нам Александра Евдокимовича!

Настали последние дни его жизни... Неимоверная боль, высокая температура ночью и резкий спад на рассвете... Но ни единой жалобы...

В ночь на субботу (12—13 мая) Александру Евдокимовичу стало плохо, он потерял сознание. Бригада реаниматоров сделала все возможное, и Александр Евдокимович открыл глаза, обвел взглядом всех нас и тихо сказал мне: «А знаешь, я побывал на том свете. Ой, как там плохо. Не надо туда спешить. Мы еще поборемся», — и улыбнулся. Как сквозь темные тучи пробился луч солнца — его очаровательная улыбка, его юмор.

13 мая, в субботу, день был спокойный. Разговариваем, и вдруг Александр Евдокимович просит меня уговорить врачей, чтобы разрешили провезти его по Крещатику, он так хочет увидеть Киев в каштановом

цвету... Я смотрела на Александра Евдокимовича, разговаривала с ним и не знала, не хотела знать, что это наш последний разговор... И вот наступила страшная ночь 14 мая 1972 года... Александр Евдокимович теряет сознание, бригада реаниматоров... Сажу у его постели, ожидаю, что опять он, как вчера, откроет глаза, я жду чуда...

Бледное восковое лицо, и только пальцы правой руки как будто держат перо, а рука скользит по одеялу, как по строчкам на бумаге, — он пишет, пишет... Врачи расправляют пальцы, а рука опять быстро, быстро пишет...

И вот чудо! Он открыл глаза, смотрит на меня, и я вижу, что узнает меня, беру его голову в свои руки, мои слезы заливают его лицо, я без конца повторяю его имя — у него улыбка на устах, он набирает воздух, хочет что-то сказать и... Александра Евдокимовича не стало...

1987 год

Прошло четырнадцать лет, как ушел от нас незабываемый Александр Евдокимович... Времени не подвластна светлая память о нем: в театрах с успехом идут его пьесы. Он продолжает учить людей добру, благородству, мудрости, продолжает бороться со злом.

За эти годы открыли мемориальный музей на его даче в Плютах, его именем назван институт культуры в Киеве, есть в Москве и Киеве проспекты имени Корнейчука, на морях и океанах ходит танкер «Александр Корнейчук», одна из станций Киевского метро названа его именем...

Марина Федотовна КОРНЕЙЧУК

И В ПАМЯТИ,
И В СЕРДЦЕ

Редактор М. М. Ж и г а л о в а

Технический редактор Т. Е. А в д е е в а

Сдано в набор 15.04.87. Подписано к печати 24.06.87. А 05088. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,05. Усл. кр.-отг. 2,28. Тираж 80000 экз. Изд. № 2015. Заказ № 626. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

- Участвуя в лотерее «Спортлото», вы вносите свой вклад в развитие физкультуры и спорта. Сотни спортивных сооружений в больших и малых городах страны построены с участием доходов этой спортивно-числовой лотереи.

- Тиражи «Спортлото» проводятся еженедельно.

- Выигрыш — от трех до 10 000 рублей.

- Каждый билет участвует в тираже двумя игровыми вариантами. Он выигрывает, если с результатами тиража совпадут не менее трех зачеркнутых номеров в одном из вариантов.

Желаем удачи!

**Главное управление
спортивных
лотерей Госкомспорта СССР.**